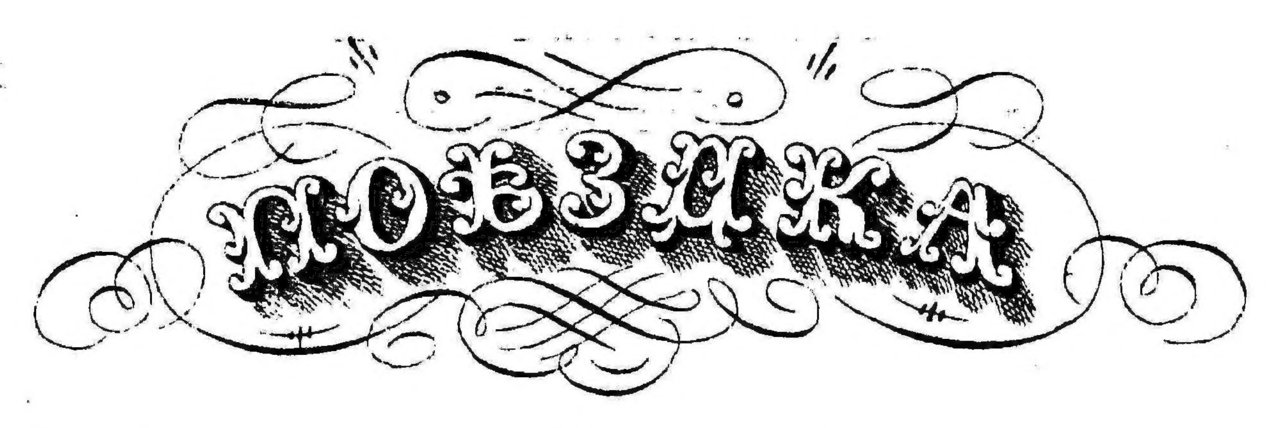
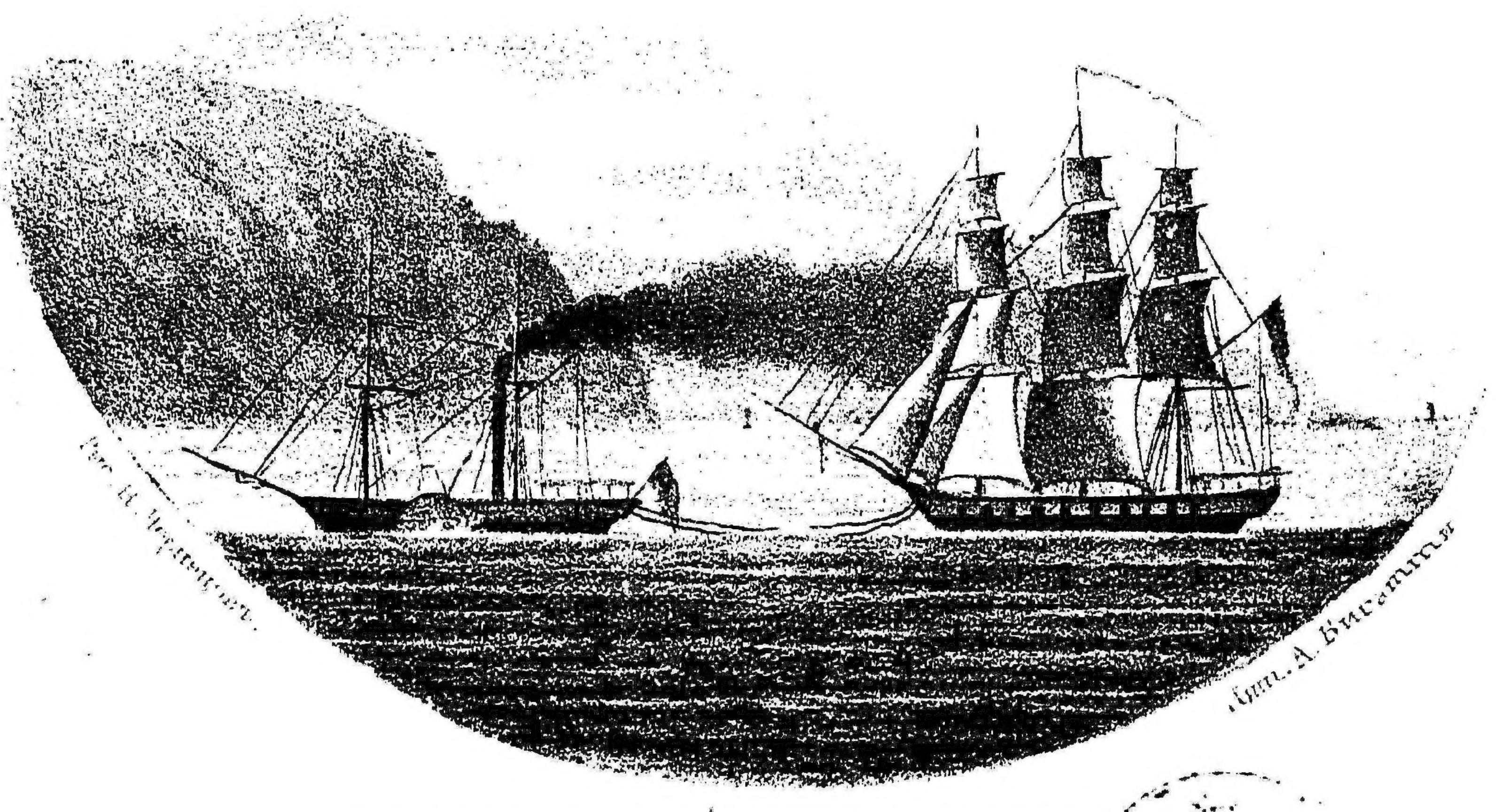

Къ Восточнымъ берегамъ Чернаго Моря

НА КОРВЕТТѢ

Ифигенія

ВЪ 1836. ГОДУ

КОРВЕТТЪ ИФИГЕНІЯ И ПАРАХОДЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Соч: С. Сафоновъ.

ОДЕССА

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Одесса, Января 5-го дня, 1837 года.

Цензоръ В. Пахманъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Графу Михаилу Семеновичу

ВОРОНЦОВУ,

какъ слабый знакъ душевной признательности за многое,

ПОСВЯЩАЕТЪ

сочинитель.

Г. Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, получивъ ВЫСОЧАЙШЕЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА *повелѣніе обозрѣть восточные берега Чернаго моря, отправился туда въ минувшемъ Іюлѣ мѣсяцѣ, на военномъ корветѣ* Ифигенія, *въ сопровожденіи парохода* Петръ Великій. *Сопутствуя его сіятельству въ этой кратко-временной, но занимательной поѣздкѣ, я велъ отъ Керчи до возвращенія въ Ялту, дневныя записки, въ которыхъ отмѣчалъ все, что видѣлъ и чувствовалъ.*

Представляя публикѣ свои записки, сознаюсь, что много въ нихъ недосказаннаго, много недописаннаго; но, быть можетъ, кто-нибудь изъ моихъ читателей найдетъ хотя минутное удовольствіе въ описаніи этого, мало извѣстнаго намъ берега. Въ концѣ книги приложена таблица, показывающая разстояніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ, отъ кр. Анапы до кр. Поти, и, сверхъ того, рисунки, трудовъ Русскаго академика Н. Чернецова.

ПОѢЗДКА

КЪ ВОСТОЧНЫМЪ БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ, НА КОРВЕТТѢ ИФИГЕНІЯ, ВЪ 1836 ГОДУ.

Пріютъ недоступный могучихъ орловъ,
Державныхъ и грозныхъ гранитныхъ хребтовъ; —
Всемірная крѣпость надоблачныхъ горъ,
Дивитъ и чаруетъ наѣздника взоръ;
Гдѣ громы грохочатъ, шумитъ водопадъ,
И молнія рѣетъ въ ущельяхъ громадъ.

Л. Якубовичъ.

13-е Іюля.

Море было тихо; поверхность его какъ зеркало отражала сотни судовъ, покрывавшихъ обширный Керченскій портъ. Въ шесть часовъ вечера мы снялись съ якоря, и прекрасный корветтъ Ифигенія тихо, тихо покатился по изумрудной поверхности моря.

Паруса распущены; но они не слушаютъ ни приказаній капитана, ни безпрестанныхъ свистковъ унтеръ-офицеровъ: только обнимаются съ мачтами и реями и наконецъ совершенно опустились. Нечего дѣлать! паруса отданы, поданъ буксиръ, и пароходъ *Петръ Великій*, любимецъ Новороссійскаго края, повлекъ насъ по морю. Вообще, морякамъ едва-ли что-либо такъ мало нравится, какъ идти на буксирѣ. Это какъ будто нѣкоторый родъ униженія; какъ насмѣшка надъ великаномъ, трехмачтовымъ судномъ, которое такъ грозно смотритъ на пароходъ съ высоты своего величія; но часто, и почти всегда, умъ и смѣтливость *берутъ верхъ надъ силою*. И вотъ мало-по-малу начали скрываться отъ насъ Керчь съ своими безконечными курганами (постояннымъ предметомъ любопытства всѣхъ посѣщающихъ берега Киммерійскаго пролива) и Митридатовой горою, на которой возвышается теперь, недавно выстроенная, часовенька надъ могилою человѣка, который и въ гробѣ долго будетъ говорить живымъ. Память народа о человѣкѣ, уже несуществующемъ, есть память истинная, неподдѣльная. Завидна участь гражданина, пріобрѣтшаго своими дѣлами благодарность потомства. Я говорю о бывшемъ Керченскомъ градоначальни-

кѣ, И. А. Стемпковскомъ, который погребенъ здѣсь, по собственному его желанію. Въ полночь, мы были на траверзѣ Такильскаго маяка, который, какъ яркая звѣзда, свѣтилъ на отдаленномъ горизонтѣ. Вѣтеръ вдругъ посвѣжѣлъ; мы отдали буксиръ, поставили паруса и стали дѣлать по 6 и 7 узловъ въ часъ. Слѣдуя такъ быстро, мы скоро приблизились къ берегамъ, и потому, со втораго часа по полуночи, легли въ дрейфъ въ ожиданіи разсвѣта. Любопытство нѣсколько разъ заставляло насъ выходить на палубу; мы смотрѣли въ даль, думая видѣть и очерки отдаленныхъ горъ, и высокіе берега; но воображеніе обманывало насъ: кругомъ, все было въ туманѣ! Наконецъ, съ разсвѣтомъ, мы дѣйствительно увидѣли Анапскія горы, а влѣво отлогій берегъ, простирающійся до *Бугаза* и *Тамани*. Намъ казалось даже, что мы видѣли устье рѣки Кубани (древняго Ипаниса), впадающей въ Черное море двумя рукавами и образующей родъ пересыпи, на которой находится принадлежащее намъ Джеметейское укрѣпленіе. Въ 7 часовъ утра, 14-го Іюля, мы бросили якорь на Анапскомъ рейдѣ, и тотчасъ вышли на берегъ.

Анапа, одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ портовъ восточныхъ береговъ Чернаго моря, на-

ходится верстахъ въ 30 отъ западнаго устья Кубани и въ 80 отъ Фанагоріи. Городъ и крѣпость расположены на возвышенномъ берегу, и съ одной стороны примыкаютъ къ самому морю. Крѣпостныя стѣны одѣты камнемъ; сколько крови стоили эти стѣны! Анапа, основанная Турками по занятіи нами Тамани въ 1784 году, испытала въ 1790 году неудачный приступъ генерала Бибикова; въ 1791 году она взята была штурмомъ Русскими войсками подъ предводительствомъ графа Гудовича, въ 1807 году опять занята безъ сопротивленія, войсками подъ командою генерала Говорова, прибывшаго на эскадрѣ маркиза де Траверсе и контръ-адмирала Пустошкина, и все крѣпостное строеніе было подорвано. Въ 1811 году герцогъ де Ришелье опять взялъ Анапу; но по Бухарестскому трактату она возвращена Туркамъ. Наконецъ, въ послѣднюю знаменитую Турецкую кампанію, эта крѣпость пала отъ оружія Русскихъ, предводимыхъ княземъ Менщиковымъ и адмираломъ Грейгомъ, и Россія стала твердою ногою на стражѣ Черкесскихъ, непріязненныхъ намъ береговъ; теперь, Анапа обезпечиваетъ съ этой стороны сношенія наши съ Кавказомъ.

Мы видѣли мѣсторасположеніе нашихъ войскъ въ послѣднюю осаду и тотъ сѣвер-

ный бастіонъ, на который дѣйствовали наши демонтиръ и брешъ-батереи. На стѣнахъ и теперь еще видны слѣды Русскихъ ядеръ и пуль. Не думайте, однакожъ, чтобы Анапа, испытавшая въ разное время такое множество осадъ и усилій, была огромная крѣпость. Не смотря на то, что Анапа, послѣ взятія въ 1828 году, была поправлена, она и теперь имѣетъ видъ большой Малороссійской деревни; домà, бòльшею частію мазанки, покрыты камышемъ; улицъ почти нѣтъ, и жилья разбросаны по Азіятскому образцу, тамъ-и-сямъ. Домъ Турецкаго коменданта сильно пострадалъ отъ нашего флота во время осады, и теперь пустъ. Церковь, передѣланная изъ старой мечети, освящена во имя Свв. Онуфрія и Петра, празднуемыхъ 12 Іюня (день взятія крѣпости). Она проста и, какъ снаружи, такъ и внутри, не имѣетъ никакихъ украшеній. Вообще мѣстоположеніе Анапы не представляетъ ничего привлекательнаго. Прежде, вокругъ крѣпости былъ большой лѣсъ, но теперь, почти на разстояніи 15-ти верстъ, онъ вырубленъ и окрестности пусты. Этого требовала безопасность Русскаго гарнизона отъ нападенія горцевъ, которые съ нѣкотораго времени оставляютъ въ покоѣ наши войска и не смѣ-

ютъ приближаться къ крѣпости. Впрочемъ, мы и теперь видѣли, какъ жители отправляются съ конвоемъ брать воду въ рѣчкѣ Анапѣ, въ разстояніи двухъ верстъ отъ крѣпости. Крѣпостныя лошади пасутся за крѣпостью, подъ прикрытіемъ пушки. Въ недавнемъ времени, верстахъ въ 4-хъ отъ Анапы, по направленію къ той долинѣ, откуда болѣе всего нападаютъ горцы, выстроенъ редутъ. Это небольшое укрѣпленіе, служащее, такъ сказать, авангардомъ крѣпости, приноситъ большую пользу: оно совершенно обезпечиваетъ отъ внезапныхъ нападеній горцевъ, дозволяетъ жителямъ Анапы разводить огороды, въ которыхъ гарнизонъ имѣетъ большую нужду, и прикрываетъ всѣ, вновь учреждаемыя, заведенія. На Джеметейскомъ укрѣпленіи поселены уже до 30-ти семействъ за-Кубанскихъ поселянъ, и если приведется въ исполненіе мысль о заселеніи всего пространства между Анапою и укрѣпленіемъ Русскими поселянами, то этотъ край еще болѣе обезпечится и, принявъ другой видъ, сообщитъ новую жизнь и новую дѣятельность окрестнымъ запустѣлымъ мѣстамъ. Къ несчастію, неурожайные 1833 и 1834 годы остановили переселеніе поселянъ изъ Курской губерніи.

Во время владычества Турокъ, торговля

Анапы была довольно значительна; положеніе ея дозволяло Туркамъ имѣть дѣятельныя сношенія съ Мусульманами, обитающими на Кавказѣ, и вообще съ горскими народами. Жившіе въ то время въ Анапѣ Турки производили значительный и прибыльный торгъ плѣнниками, и въ особенности плѣнницами, которыми наполнялись гаремы восточныхъ сатраповъ. Для этого торга существовали въ Анапѣ большія ярмарки. Нѣкоторое время производился еще дѣятельный мѣновой торгъ съ Русскими на Бугазскомъ мѣновомъ дворѣ, гдѣ горскіе народы вымѣнивали оружіе, мѣха̀, воскъ медъ и пр., на хлѣбъ и бо̀льшею частію на соль; но съ занятіемъ Анапы Русскими войсками, торговля почти совершенно прекратилась. Теперь, ни въ Анапѣ, ни на Бугазскомъ мѣновомъ дворѣ нѣтъ никакой торговли. — Вся Анапская торговая дѣятельность ограничивается нѣсколькими купеческими судами, изрѣдка покрывающими Анапскій рейдъ, и привозящими туда провіантъ для войскъ, составляющихъ тамошній гарнизонъ. И можно-ли назвать торговлею мелочную промышленность нѣсколькихъ купцовъ изъ Керчи, доставляющихъ гарнизону красные товары изъ Керчи же, и нѣсколькихъ мѣщанъ, торгующихъ огурцами, квасомъ

и прочимъ? Для Турокъ Анапа была важна не столько въ торговомъ, сколько въ военномъ отношеніи. Они всегда имѣли тамъ значительный гарнизонъ, содержали въ страхѣ горскія племена и въ особенности препятствовали почти всякому сношенію Русскихъ съ горцами. Для Россіи занятіе этой крѣпости важно по всѣмъ отношеніямъ. Анапскій портъ есть просто открытый песчаный рейдъ песчанаго грунта, и стоянка на немъ весьма опасна для судовъ при дующихъ съ моря вѣтрахъ.

Одинъ изъ пріятнѣйшихъ эпизодовъ пребыванія нашего въ Анапѣ было знакомство съ однимъ Черкесскимъ узденемъ, *Ногоемъ,* только-что прибывшимъ изъ горъ съ преданнымъ ему Черкесомъ. Вотъ его исторія: въ 40 верстахъ отъ Анапы, онъ полюбилъ въ сосѣдиемъ *аулѣ* Черкешенку; она также полюбила его (хотя, правду сказать, лице его вовсе не создано для возбужденія сильной страсти въ сердцѣ молодой пригожей дѣвушки). Родители красавицы отказали ему въ ея рукѣ, и въ душѣ пылкаго Азіятца чувство мщенія замѣнило чувство любви; онъ оставилъ свой край, свою родину, свои луга и пришелъ къ Русскимъ требовать мщенія. »Дайте мнѣ, говорилъ онъ, четыресто солдатъ; я пойду, разорю, истреблю ненавистный мнѣ аулъ, и буду вашъ«. Ра-

зумѣется, ему отказали въ его пустой просьбѣ. Ему сказали, что жизнь одного Русскаго солдата дороже для насъ любви его не только къ одной, но и къ сотнѣ Черкешенокъ. Графъ Воронцовъ долго разговаривалъ съ Ногоемъ и подарилъ ему компасъ. Обласканный обхожденіемъ графа, Ногой отошелъ въ сторону и подумавши сказалъ: » я беру тебя подъ » свое покровительство; съ этой мунуты, я » считаю тебя своимъ отцемъ, своею матерью » и исполняю твои требованія; но помо» ги мнѣ въ моемъ мщеніи. « Хитрый Азіятецъ и здѣсь хотѣлъ извлечь пользу для своего мщенія. Ногой и его сопутникъ были въ полномъ, прекрасномъ Черкесскомъ вооруженіи. Впрочемъ, судя по физіономіи, я скорѣе принялъ-бы его за уроженца Монгольскихъ или Нагайскихъ ордъ, а не горскихъ племенъ, о красотѣ которыхъ мы привыкли имѣть высокое понятіе; хотя, надо признаться, стану его могли-бы позавидовать многія изъ Европейскихъ дамъ.

Съ любопытствомъ смотрѣли мы на мраморнаго орла, отысканнаго при рытіи крѣпостнаго рва. Это рѣшительно Римскій орелъ! Но какимъ образомъ залетѣлъ онъ въ Анапу? Владычество Римлянъ не простилось до этихъ мѣстъ. Какъ-бы то нибыло, этотъ орелъ есть одинъ

изъ прекраснѣйшихъ и хорошо сохранившихся остатковъ Римской, а можетъ быть и Византійской древности (*). Въ десять часовъ мы подняли якорь и, распростившись съ Анапою отвѣтными 9-ю выстрѣлами, пустились вдоль береговъ. Шкуна *Вѣстовой*, бывшая въ распоряженіи графа И. О. Витта, и принадлежавшая также къ нашей экспедиціи, снялась съ якоря получасомъ ранѣе насъ. Облака разсѣялись; было жарко, тихо, и пароходъ тащилъ корветтъ по четыре и по пяти узловъ въ часъ.

Скоро мы пришли на траверзъ долины *Шиндири*, гдѣ въ первый разъ увидѣли Черкесскій аулъ, который, какъ говорятъ, углубляется на 9 верстъ въ горы. Черкесскія хижины разсѣяны по долинѣ въ самомъ живописномъ положеніи. Почти всѣ дома построены изъ дерева и покрыты камышемъ. Въ полдень мы прошли мысъ *Иссусупъ*, а въ четыре часа были противъ долины *Орзерекъ*, прельстившей насъ и своимъ положеніемъ, и множествомъ прекрасныхъ деревъ. Первое впечатлѣніе всегда сильно; оно надолго оставляетъ въ насъ воспоминаніе о томъ, что мы ви-

(*) При-Кубанскіе города до Р. Х. и послѣ были союзными и подвластными Римлянамъ. Очень можетъ быть, что Римляне, по своимъ торговымъ сношеніямъ съ Воспорскими городами, могли здѣсь жить и оставить по себѣ знаки своего пребыванія.

дѣли. Хотя въ слѣдующіе дни намъ встрѣчались долины и лучше этой, и аулы прекраснѣе, но *Орзерекъ* надолго останется въ нашей памяти.

Отъ Анапы мѣстоположеніе не такъ красиво; отвѣсныя скалы—голы и не обработаны, но далѣе край принимаетъ другой видъ: горы, покрытыя лѣсомъ, постепенно возвышаются; множество источниковъ осѣнены огромными орѣховыми деревьями; пастьбища покрыты рогатымъ скотомъ, и всюду видны обработанныя поля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лѣса́ между горами вырублены или сожжены и обращены въ пахатныя поля; даже вершины нѣкоторыхъ, довольно возвышенныхъ горъ засѣяны хлѣбомъ. Какихъ трудовъ и усилій стоитъ обработываніе и удобреніе земли, покрытой лѣсомъ и камнемъ; но горцы лучше и охотнѣе обрекаютъ себя на тяжкіе труды и лишенія, чѣмъ рѣшаются мирнымъ образомъ доставать хлѣбъ у Русскихъ. Неужели кусокъ хлѣба, добытый нуждою, вкуснѣе хлѣба, доставшагося тихо и по обоюдному согласію? Но здѣсь надобно просить, а это несовмѣстно съ врожденными идеями необузданнаго жителя Кавказскихъ горъ. Онъ также неприступенъ, какъ и родимыя горы его; также хладенъ для Европеизма, какъ и вершины горъ, покрытыя вѣчнымъ снѣ-

гомъ. Винтовка, шапка и кинжалъ суть его стражи, его логика, его торговля.

Около 6 часовъ вечера мы примѣтили обширный рейдъ *Суджукъ-Кале*, защищаемый отъ сѣверныхъ вѣтровъ мысомъ *Доба*, далеко вдающимся въ море. Вдали бѣлѣлись палатки отряда генерала Вельяминова, пришедшаго сюда, назадъ тому недѣли двѣ, изъ Ставрополя чрезъ ущелья горъ. Суджукская гавань принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря: она углубляется въ берегъ верстъ на пять, и во всякое время года, по глубинѣ и хорошему грунту, составляетъ безопасную и выгодную *стоянку для судовъ*. До взятія Анапы Русскими войсками, на мысѣ, противоположномъ Добѣ, была Турецкая крѣпость, состоявшая изъ небольшаго четырехъ-угольнаго за̀мка или редута, обнесеннаго кирпичною стѣною. Укрѣпленіе это было разорено нашими войсками въ 1829 году, и съ тѣхъ поръ этотъ редутъ представляетъ едва примѣтныя развалины. Вся прежняя торговля Суджукъ-Кале ограничивалась незначительными сношеніями съ Анапою, откуда жители доставали нужные для себя вещи и припасы. Наше правительство давно уже обращало вниманіе на этотъ прекрасный портъ, со-

единяющій Анапу съ Геленджикомъ, и въ настоящемъ году Генералъ Вельяминовъ строитъ здѣсь укрѣпленіе, у мыса *Добъ* на рѣчкѣ *Усмесъ,* гдѣ уже постоянно будетъ находиться Русскій гарнизонъ. Постъ этотъ тѣмъ важнѣе, что этимъ устраивается сухопутное, хотя и небезопасное сообщеніе съ Екатеринодаромъ посредствомъ двухъ редутовъ на разстояніи около 70 верстъ.

Любуясь горами, то постепенно опускающимися къ Суджукъ-Кале, по направленію отъ Анапы, то возвышающимися съ противуположной стороны отъ мыса Добы, и принимающими разнообразныя формы; мы непримѣтнымъ образомъ пришли на мѣсто и бросили якорь на глубинѣ десяти саженей, не въ дальнемъ разстояніи отъ фрегата *Штандарта,* на которомъ развѣвался флагъ Контръ-Адмирала Папаніоти, командующаго отрядомъ Черноморскаго Флота у Абхазскихъ береговъ. Кромѣ фрегата здѣсь были еще шлюпъ *Діана,* люгеръ *Геленджикъ,* пароходъ *Метеоръ,* и транспорты *Бугъ* и *Ланжеронъ.* Едва только якорь коснулся земли, какъ съ редута, въ лагерѣ и съ фрегата раздались салюты. Каждому изъ нихъ мы отвѣчали нашими 36 фунтовыми зарядами, — эхо вторило выстрѣламъ и раздавалось въ горахъ тысячами отголосковъ. Бы-

ло безвѣтренно, горы, корабли, лагерь, все покрылось дымомъ. Картина величественная! Среди этаго дыму тихо ложившагося на поверхность воды, мы сѣли на катера и поплыли на берегъ въ довольно пространный укрѣпленный лагерь, обнесенный съ трехъ сторонъ заборомъ изъ кустарниковъ.

При громѣ пушекъ и звукѣ музыки, мы вышли на берегъ и пошли въ лагерь, въ сопровожденіи блестящаго Штаба Генерала Вельяминова. Я говорю блестящаго; и можно-ли иначе назвать собраніе офицеровъ почти изъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ, людей молодыхъ, образованныхъ, оставившихъ и разнообразныя увеселенія блестящей столицы и всѣ удовольствія общественной жизни, и своихъ родныхъ, и друзей, и близкихъ сердцу, для того, чтобы на отдаленномъ краю Россіи отслужить службу своему отечеству вѣрою и правдою, въ мѣстахъ, лишенныхъ выгодъ и удобствъ въ жизни? Прекрасенъ благородный порывъ сердца молодаго Офицера, пылающаго исполнить истинное назначеніе его службы. Можетъ быть для нѣкоторыхъ эта жертва велика! но велика также и признательность отечества, и вниманіе ГОСУДАРЯ, и собственное душевное наслажденіе! Изъ каждаго Гвардейскаго полка находится

въ отрядѣ по одному Офицеру, исключая множества охотниковъ, прикомандированныхъ изъ разныхъ полковъ. Среди стана, у войлочной кибитки, служащей point de réunion всѣхъ офицеровъ отряда, мы составили настоящій раутъ. Надобно было видѣть съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ наслажденіемъ встрѣчались здѣсь знакомые, собравшіеся такъ неожиданно среди Кавказскихъ горъ, на берегу Чернаго моря. Это было какое-то Вавилонское смѣшеніе языковъ и голосовъ. Всѣ спѣшили насладиться какъ будто послѣдними минутами, чтобы передать другъ другу извѣстія о своихъ родныхъ, знакомыхъ, и свои чувства, и свои надежды. Это былъ какой-то непонятный говоръ, въ которомъ такъ мало было связи, но много чувствъ. И посмотрѣть-бы на это разнообразіе костюмовъ! Блестящій гвардейскій мундиръ мѣшался съ скромнымъ гражданскимъ сюртукомъ; тамъ живописный Черкесскій нарядъ, а здѣсь простой мундиръ или шинель солдата. Многіе изъ нашихъ офицеровъ усвоили Черкесскій костюмъ, который такъ хорошо идетъ къ величественнымъ красотамъ Кавказскихъ горъ. И эта радушная пріятная бесѣда происходила среди военнаго стана, среди перекликовъ часовыхъ, смотрѣвшихъ за нашею безопасно-

стію, и около дымящагося аула, сожженнаго нашими войсками, для обезопасенія себя отъ нападенія Черкесовъ, искавшихъ въ немъ убѣжища и средствъ ближе вредить отряду. Такъ мы провели часа три, и конечно это время останется памятнымъ для каждаго изъ насъ. Одному, оно приводило на память то завидное время юности, когда среди подобныхъ опасностей и наслажденій онъ недумалъ о будущемъ, не вспоминалъ прошедшаго, а наслаждался настоящимъ. Въ другомъ, еще незнакомомъ съ подобнаго рода жизнію, оно возбуждало сильное желаніе остаться здѣсь, смѣшаться съ толпами храбрыхъ, и вплести лавровый листокъ въ вѣнокъ своей скучной и однообразной жизни. Присутствіе наше привело въ движеніе весь лагерь, и въ самомъ дѣлѣ, посѣщеніе наше было неожиданно.

Смерклось; мы должны были возвратиться на корветъ. Я бы желалъ, чтобы кто нибудь далъ мнѣ запасъ словъ, для описанія обратнаго нашего пути. Вообразите себѣ темную ночь, безчисленное множество разложенныхъ огней, звуки музыки, веселыя пѣсни солдатъ, этихъ мирныхъ Черкесовъ на горскихъ лошадяхъ, которые съ гикомъ и подобно молніи проскакивали мимо насъ, и, то ложась къ самой землѣ, то поворачиваясь съ неимовѣрной бы-

стротою, стрѣляли изъ пистолетовъ и винтовокъ. Прибавьте къ этому пылающій аулъ, горящій лѣсъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, иллюминованный фрегатъ и шумъ морскихъ волнъ, и вы будете имѣть понятіе объ этомъ величественномъ зрѣлище.

Въ десять часовъ вечера, мы возвратились на корветъ. Долго еще я любовался прекрасными, разстилавшимися предо мною картинами, и наконецъ, усталый тѣломъ и душою, заснулъ.

15-е Іюля.

Просыпаюсь отъ звука цѣпи брошеннаго якоря, смотрю — мы уже на Геленджикскомъ рейдѣ. Я не слышалъ ни того, какъ подняли якорь, ни какъ пароходъ взялъ насъ на буксиръ. Такіе быстрые переходы въ иное время очень пріятны, но мнѣ жаль было невидѣть ни постепенно скрывавшагося лагеря, съ потухающими огнями, ни этихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Было шесть часовъ утра; солнце ярко освѣщало вершины горъ, окружающихъ амфитеатромъ Геленджикъ, расположенный въ прекрасной долинѣ. Какое прелестное мѣсто для разведенія винограда! Геленджикъ—небольшое укрѣпленіе, обнесенное невысокимъ землянымъ валомъ. Въ прежнее время Турки имѣли здѣсь сильный гарнизонъ; теперь Русскія войска въ немъ довольно покойны, и почти никогда не-

подвергаются нападеніямъ Черкесовъ, хотя и высылаютъ свои стада на пастьбище почти въ виду укрѣпленія, но не иначе, какъ подъ прикрытіемъ пушки. Тотчасъ за укрѣпленіемъ, жители имѣютъ свои обширные огороды, снабжающіе зеленью не только гарнизонъ, но и многія приходящія суда. Геленджикъ построенъ на топкомъ и болотистомъ мѣстѣ, и климатъ его не такъ-то здоровъ; каналовъ нѣтъ, и потому, особливо во время весны и осени, испаренія очень вредны и пораждаютъ много болѣзней. Геленджикскій портъ, есть безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Онъ неуступаетъ Севастопольскому и, можетъ быть, имѣетъ нѣкоторыя преимущества. Это обширнѣйшее озеро, защищенное почти отъ всѣхъ вѣтровъ, и изрѣдка подверженное Юго-Восточному. Въ немъ можетъ помѣститься нѣсколько соединенныхъ флотовъ. Большая глубина, хорошій грунтъ и защита отъ вѣтровъ, представляютъ въ здѣшней рейдѣ самую лучшую стоянку для нашихъ судовъ. Мы застали здѣсь: Шкуну *Курьеръ*, Тендера: *Лугъ*, *Струю* и *Скорую* и нѣсколько купеческихъ судовъ. Суджукъ-Кале и Геленджикъ, до занятія ихъ нашими войсками, были главными сборными

пунктами для судовъ, доставлявшихъ горцамъ все нужное.

Въ девять часовъ, при тихомъ вѣтрѣ и ясной погодѣ мы вышли изъ Геленджикскаго порта. Отсюда до крѣпости *Гагры* (*), на разстояніи около 140 миль, мы немогли нигдѣ выйти на берегъ, по неимѣнію пунктовъ, въ которыхъ бы были наши войска; но за то, пользуясь совершеннымъ штилемъ, мы, при помощи парохода шли постоянно въ параллели съ берегами, огибали всѣ маленькія рейды, и вѣроятно рѣдко кому удавалось обходить эти берега, такъ близко. Въ иныхъ мѣстахъ, мы были ближе полумили отъ берега. Первая долина отъ Геленджика *Мейзыбъ*, потомъ *Хатицай*, далѣе *Жанхоти*. Прошедши мысъ *Идокопасъ*, мы видѣли долину *Нахабисъ*, потомъ *Коркозыхъ*, и почти ровно въ полдень, подошли къ долинѣ *Пшады*.

Не болѣе какъ въ теченіи трехъ часовъ, мы видѣли такъ много прекрасныхъ мѣстъ, что трудно отдать обо всемъ отчетъ. Вообще берега круты, обрывисты, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ цвѣтъ бѣлаго известняка. Горы подымаются вдругъ, не отлого, и совершенно покрыты лѣсомъ. Въ долинахъ растительная сила необыкновенна, огром-

(*) Крѣпость Гагра въ III вѣкѣ по Р. Х. именовалась Пагра.

Рис: съ нат: Н. Чернецовъ — Лит: А. Вигатти — Лит: у Н. Анискевичь

ЧЕРКЕСЪ ☼ АБАЗИНЕЦЪ

нѣйшія орѣховыя деревья склоняются почти къ самому морю, подъ ними и по скатамъ горъ разсѣяно множество ауловъ; это было время сѣнокоса, и Черкесы съ удивленіемъ бросали работы, и со страхомъ смотрѣли на огромное военное судно, влекомое пароходомъ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ берега. Надобно было видѣть смятеніе горцевъ при нашемъ приближеніи: они бѣгали, суетились, но видя, что пушки молчатъ, и только грозно выглядываютъ изъ открытыхъ амбразуръ, — снова ободрялись, выходили изъ-за кустовъ и деревьевъ и съ любопытствомъ провожали насъ по берегу. Въ долинѣ *Хапицай*, мы въ первый разъ увидѣли лодку Турецкихъ контрабандистовъ. Въ послѣдствіе времени мы видѣли ихъ очень много, и почти въ каждой долинѣ. Надобно удивляться съ какимъ искуствомъ лодки эти, прокравшіяся отъ нашихъ крейсеровъ, вытаскиваются горцами на берегъ и закрываются листьями и цѣлыми срубленными деревьями. Одни говорятъ, что это они дѣлаютъ для скрытія судовъ отъ нашихъ крейсеровъ; другіе утверждаютъ, что этимъ они предохраняютъ лодки отъ солнца и жару. Какъ бы то нибыло, только они дѣлаютъ это съ большимъ искуствомъ, и часто случалось, что мы, при множествѣ

зрительныхъ трубъ, едва примѣчали судно. »Знаете ли, сказывалъ нашъ знаменитый литераторъ, такъ хорошо знакомый съ Кавказомъ, А. А. Марлинскій,—знаете-ли, какъ горцы вытаскиваютъ на берегъ лодки? — Первое, чтоони почти всегда знаютъ, въ какое время ожидать Турецкихъ судовъ; лодки эти днемъ сами видятъ, можно-ли приставать къ берегу. Ночью же Черкесы зажигаютъ костры и даютъ этимъ сигналъ, что въ виду есть Русскіе военные крейсеры и что имъ опасно приставать. Улучивъ удобное время, Турецкіе контрабандисты бросаются съ лодками на берегъ, и въ тоже мгновеніе собирается нѣсколько сотъ человѣкъ Черкесовъ. На берегу вкопанъ большой деревянный шпиль, веревки заброшены, одинъ-третій десятокъ человѣкъ въ водѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ лодка съ парусами и грузомъ на берегу — въ рѣкѣ, еще нѣсколько минутъ и лодка закрыта листьями и деревьями. Часто случалось, что нашъ крейсеръ гонится за судномъ и неуспѣетъ стать на извѣстной глубинѣ и отдать якорь, какъ лодка уже вытащена на берегъ.« — Мысъ *Идокопасъ* тѣмъ для насъ любопытенъ, что за нимъ въ первый разъ пущено было на насъ нѣсколько пуль. Кромѣ удовольствія, это не сдѣлало намъ никакого вреда.

Послѣ занятія нашими войсками Суджукъ-Кале, Геленджика и Анапы, долина *Пшады* осталась однимъ изъ самыхъ торговыхъ мѣстъ, гдѣ сосредоточивается теперь торговля горскихъ народовъ. Мѣстоположеніе ее прекрасно; рейда защищена двумя мысами и безопасна для судовъ, почти въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Мы подошли очень близко къ берегу, менѣе чѣмъ на полупушечный выстрѣлъ, и надобно было видѣть суматоху, произведенную нашимъ прибытіемъ. Здѣсь было два скрытыхъ судна, и они безъ сомнѣнія думали, что мы приближаемся съ намѣреніемъ ихъ истребить. При томъ, они вѣроятно узнали стараго своего знакомца, нашъ корветъ *Ифигенію*, который, три недѣли тому назадъ, посѣщалъ эти берега, и именно въ этой долинѣ Пшадѣ, съ другимъ бригомъ, потопилъ одно судно, а другое разбилъ. Мы прошли мирно и спокойно; но они долго слѣдили насъ изъ за-своихъ засадъ на берегу моря, и съ возвышенныхъ мѣстъ окружающихъ долину.

Читая Voyage en Circassie, par Mr. Taitbout de Marigny, нынѣшняго Голландскаго Консула въ Одессѣ, мы съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣли на эту долину, которую онъ описалъ такъ хорошо, и которая оставила въ немъ такъ много пріятныхъ воспоминаній.

Здѣсь-то онъ, покровительствуемый значительнымъ владѣльцемъ *Индаръ-Оглу*, вошелъ въ торговыя сношенія съ горцами, доставилъ имъ соль за лѣсъ и прочія произведенія, былъ угощаемъ сосѣдственными горцами, и принималъ ихъ у себя на суднѣ. Въ иныхъ мѣстахъ лѣсъ совершенно вырубленъ. Населеніе въ Пшадѣ довольно велико и, какъ говорятъ, это одна изъ богатѣйшихъ долинъ на всемъ Восточномъ берегу. Пройдя Пшады, мы миновали долину *Беши, Беш-тау*, получившую свое названіе отъ 5 горъ, возвышающихся надъ нею, потомъ *Ту*, далѣе *Вуланъ*, обширную и богатѣйшую долину, въ которой, какъ въ Пшадѣ, производится дѣятельный торгъ съ Турецкими контрабандистами. Здѣсь мы видѣли три скрытыхъ судна, изъ коихъ одно было двухъ-мачтовое. Далѣе прошли *Туапъ*, потопленную въ зеленой гущѣ огромнѣйшихъ дубовыхъ деревьевъ; потомъ очаровательную долину *Шапсухи*, надъ которой возвышалась давно замѣченная нами гора *Сипсугъ*.

Прошедши мысъ *Кодосъ* или *Ту*, мы наткнулись на прекрасную долину *Хихваябъ*, и въ 9 часовъ вечера были противъ мыса *Чарданъ* или *Кодошъ*.

Трудно человѣку, непосѣщавшему этого края, имѣть понятіе о богатствѣ, прелести

и растительной силѣ пройденнаго нами берега. Съ избыткомъ разсыпала природа на край этотъ свои дары: вѣковыя деревья, дубовыя и орѣховыя, тянутся въ одной безконечной и величественной картинѣ отъ горъ, до берега моря. Это отличительная черта растительной силы здѣшняго края, доказывающая сильную почву земли. Тамъ, вы не увидите сухихъ деревьевъ, которые такъ усильно просятъ воды на нашихъ безбрежныхъ степяхъ, или тѣхъ низенькихъ кустарниковъ, украшающихъ сады наши, которые стоятъ намъ такъ много трудовъ: — нѣтъ, здѣсь сильная, могучая и щедрая рука природы поставила громады лѣсовъ на берегу глубокихъ пропастей, переплела дубы зеленымъ виноградомъ, засыпала почву растеніями и цвѣтами, чтобы привлечь умъ и дѣятельность человѣка, образовать хотя не много полудикость, и вызвать край изъ грубой жизни къ жизни общественной — дѣятельной. Варварство горцевъ, дышущихъ любовью къ дикой свободѣ, ненавидящихъ Христіанство, превосходныхъ стрѣлковъ, рожденныхъ, такъ сказать, съ винтовкою, алчныхъ къ набѣгамъ и грабежу, ненасытныхъ къ войнѣ, коварныхъ во время мира, — стоитъ на стражѣ этихъ очаровательныхъ мѣстъ, чудесныхъ произве-

деній могущества Божія! Но встрепенутся нѣсколько лишнихъ разъ крылья Русскаго орла, и они покроютъ, какъ благодатная сѣнь, эту землю созданную для блаженства человѣка, и горцы, обратясь къ тишинѣ, узнаютъ выгоды миролюбивыхъ торговыхъ сношеній и для себя, и для своего потомства.

Настала ночь, и то тамъ, то сямъ, показались по берегу моря предостерегательные огни, зажигаемые, какъ я выше сказалъ, для предупрежденія Турецкихъ контрабандистовъ. Небо было чисто и ясно; безвѣтріе - совершенный штиль; пароходъ сильно тянетъ, и корветъ бороздитъ море; и вотъ на право показалась луна — тѣни изчезаютъ, цвѣтъ ярче и ярче, всплыла, свѣтитъ, и вдругъ свѣтлые лучи заткали море золотистою тканью. Гдѣ взять выраженій, чтобы описать неописанное, гдѣ взять словъ, чтобы выразить невыразимое, и что за картина! — Смотрите, какъ вершины горъ покрыты этимъ туманнымъ свѣтомъ, который ихъ еще болѣе увеличиваетъ! Смотрите какія гигантскія тѣни, бросаютъ они на долины и море! Видите ли вы эти огоньки, которые изрѣдка блистаютъ въ долинахъ разсѣянныхъ Черкесскихъ ауловъ? Слышите ли вы этотъ едва доходящій къ вамъ шумъ мо-

ря, которое вѣчно бьетъ объ эти каменистые берега? Насладились этою картиною; посмотрите теперь на другую, посмотрите вы на руль корвета; видите ли вы, какъ вода вокругъ него дребежжитъ, кипитъ и бросаетъ золотыя искры. Била восьмая склянка по полудни, а я всё еще сидѣлъ на ютѣ корвета и не могъ отвести глазъ отъ этой очаровательной картины! Вообще, прелести природы и особенно видъ моря, производятъ на насъ какое-то особое впечатлѣніе; мы дѣлаемся задумчивы, печальны и сами неможемъ дать отчета въ чувствахъ души, полной удовольствія; вы нехотѣли-бы разстаться съ такимъ положеніемъ, а между тѣмъ вамъ грустно. Такъ созданъ человѣкъ; это случается со всякимъ; то было со мною! — »Пора спать«—раздалось подлѣ моихъ ушей,— смотрю,— это нашъ добрый Лейтенантъ С., вышедшій на свою вахту. Съ высоты умственнаго міра, я упалъ просто въ чувственный; проза побѣдила поэзію, и я тихо засыпалъ при отдаленномъ шумѣ волнъ и при изрѣдка повторяемой командѣ вахтеннаго Офицера.

16-е Іюля.

На разсвѣтѣ, мы были на траверзѣ мыса *Мамай*, пройдя ночью двѣ прекрасныя долины: *Субаши* и *Вардань*. Это также два значительныя торговыя мѣста, и въ нихъ укрывается множество Турецкихъ контрабандныхъ судовъ. Въ полдень, мы достигли другаго мыса *Адлеръ*. Все это пространство, на разстояніи слишкомъ 20 верстъ, покрыто густымъ дубовымъ лѣсомъ, годнымъ для всякаго рода кораблестроенія. Природа какъ будто съ намѣреніемъ произвела этотъ лѣсъ на отлогомъ берегу моря, представляющемъ всѣ возможныя удобства къ рубкѣ и нагрузкѣ судовъ. Надобно удивляться густотѣ лѣса, до котораго кажется недотрогивалась рука человѣческая, и который едва пропускаетъ солнечные лучи. И эти лѣса населены горцами,

болѣе всѣхъ племенъ расположенными къ разбоямъ и грабежу. Аулы или, лучше сказать, хижины разсѣяны одна отъ другой на далекомъ разстояніи, и въ самомъ неприступномъ положеніи. Одинъ изъ ауловъ *Зенги* красиво разбросанъ въ глубокомъ ущельѣ. Нерѣдко случалось, что смѣльчаки изъ этой части горъ пускались въ море на своихъ лодкахъ, и нападали на небольшія суда. Но съ нѣкотораго времени, съ умноженіемъ нашихъ крейсеровъ, это совершенно прекратилось. Спокойное обладаніе этимъ берегомъ послужило-бы неизсякаемымъ источикомъ къ обогащенію нашего Черноморскаго флота, такъ нуждающагося въ строевомъ лѣсѣ. Глубина дозволяла намъ идти близь самыхъ береговъ, такъ что мы простымъ глазомъ могли любоваться прекрасными костюмами Черкесовъ и Черкешенокъ, вооруженныхъ, какъ говорится, съ головы до ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ провожали насъ по берегу верхомъ, а въ иныхъ мѣстахъ собиралось по нѣсколько сотъ человѣкъ.

Мысъ *Адлеръ* имѣетъ довольно низменный берегъ; большія деревья тамъ срублены и остался одинъ кустарникъ. Въ низменныхъ мѣстахъ, мы замѣтили много осоки, камыша и вообще болотистыхъ растѣній. Обогнувъ мысъ Адлеръ, мы остановили взоры на отдален-

ныхъ высотахъ Кавказа, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Долго мы спорили, дѣйствительно-ли видимъ снѣгъ. Иные принимали это за песчаные обрывы, другіе за голые утесы; и наконецъ удостовѣрились, что это былъ снѣгъ, неистощимый запасъ воды для луговъ и растѣній! Край принимаетъ другой видъ; берега становятся круты, каменисты, бѣловатаго цвѣта; является во множествѣ сосновый лѣсъ, и мачтовыя огромныя деревья растутъ на скалахъ, по берегу моря, среди камней. Чѣмъ далѣе, тѣмъ природа становится суровѣе, горы возвышеннѣе, мрачнѣе, идутъ стѣною въ море и закрываютъ собою небосклонъ. Неимовѣрная глубина позволяла намъ идти очень близко къ берегу, и вотъ мы съ небольшимъ попутнымъ вѣтромъ врѣзались въ ущелье высочайшихъ горъ. »Да куда же мы идемъ? спрашивалъ я; на берегу ничего невидно« Въ отвѣтъ, капитанъ скомандовалъ: »вонъ изъ бухты,« и якорь нашъ катился 17 сажень, прежде нежели упалъ на дно моря. Мы пришли въ крѣпость *Гагра* Вообразите себѣ, у подошвы двухъ высокихъ, отвѣсныхъ горъ, приписнутое къ самому морю небольшое четыреугольное строеніе, неболѣе 60 сажень длины въ одномъ фасадѣ, обнесенное деревяннымъ заборомъ съ плетневыми

турами и съ деревянными по угламъ башеньками; посреди этого строенія, нѣсколько домиковъ, мазанокъ, балагановъ, и это крѣпость Гагра; и эта крѣпость, отдѣленная отъ всякихъ сообщеній сухимъ путемъ, окруженная горами, съ которыхъ горцы пускаютъ прямо въ средину крѣпости пули, — защищается двумя ротами солдатъ.

Если всякаго рода самоотверженіе имѣетъ цѣну въ глазахъ людей, то до какой степени должно цѣнить положеніе горсти храбрыхъ людей, рѣшившихся быть ежеминутно на стражѣ и собственной жизни, и ввѣреннаго имъ поста. Если мы съ удовольствіемъ смотримъ на поступокъ человѣка, оставляющаго шумъ столицы и всѣ увеселенія блестящаго общества и стремящагося вмѣстѣ съ храбрыми на защиту отечества; то насъ должна удивлять рѣшимость людей, обрекшихъ себя на ежеминутную гибель. Тамъ, послѣ минутныхъ страданій, наслажденіе и спокойствіе; здѣсь жизнь есть ничто иное, какъ цѣпь постоянныхъ лишеній, безпокойствъ и опасности. Жители Гагры съ одной только стороны спокойны, именно со стороны моря. Слабое утѣшеніе! Отъ того-то они съ такою радостію, съ такимъ наслажденіемъ смотрятъ на всякое судно, приходящее къ ихъ бе-

регамъ. Они видятъ въ немъ какъ-бы посредника, соединяющаго ихъ съ остальною частію міра. Уходитъ судно, и они снова осиротѣли. Въ началѣ прошлаго года, до 4.000 горцевъ внезапно напали на Гагру, и нѣкоторые изъ отважнѣйшихъ успѣли уже вскочить въ амбразуры; но храбрый гарнизонъ отбилъ ихъ и прогналъ съ большою потерею. До сихъ поръ неудавалось ни одно покушеніе горцевъ. Часто они изъ одного только удовольствія, или просто отъ нечего-дѣлать, пускаютъ пули въ средину самой крѣпости со скалы, отвѣсно стоящей надъ нею, и часто солдаты, говоря ихъ языкомъ, отыскиваютъ въ кашѣ Черкесскія пули. Нѣсколько дней тому назадъ, они убили такимъ образомъ одного солдата. Впрочемъ, гарнизонъ вообще довольно здоровъ. Солдаты имѣютъ почти круглый годъ свѣжее мясо, и замѣчательно, что тѣ-же самые Черкесы, которые такъ къ нимъ непріязненны, служатъ проводниками Имеретинскимъ и Грузинскимъ купцамъ, доставляющимъ въ крѣпость рогатый скотъ. Новое доказательство корыстолюбія горскихъ народовъ, и подтвержденіе того, что деньги часто имѣютъ въ глазахъ ихъ болѣе цѣны, нежели буйная независимость, такъ много про-

славляемая нѣкоторыми любителями на Западѣ.

Безъ сомнѣнія, мы примемъ за басню распространившіеся слухи, о которыхъ самые же Черкесы донесли коменданту Гагры, что будто-бы въ горахъ есть нѣсколько Французовъ и Англичанъ, обѣщавшихъ прислать имъ помощь и взять обратно Гагру. Какъ-бы то нибыло, въ одной изъ деревянныхъ угловыхъ башень мы нашли Англійскую пушку, которую наши войска отняли у Турокъ, и это подтверждается тѣмъ, что кромѣ Англійской надписи на пушкѣ есть еще и Турецкая. Англичане производятъ пушками торгъ, точно такъ, какъ и другими товарами.

Среди крѣпости Гагры находятся прекрасные остатки древняго храма, служащаго теперь магазиномъ артиллерійскихъ снарядовъ. Это была христіанская церковь. Должно-ли отнести ее ко временамъ владычества Грузиновъ (Иверянъ) въ древнѣйшія времена, или ко временамъ Византійскихъ поселеній на этихъ берегахъ? Кажется, послѣднее мнѣніе будетъ справедливѣе. Церковь эта сохранила всю форму, и въ особенности внутренность древнихъ христіанскихъ храмовъ. Одинъ сводъ съ полукружіемъ, къ Востоку; стѣны

сложены изъ цѣльнаго камня. Это былъ въ позднѣйшее время, какъ говорятъ, монастырь во имя *Св. Ипатія.* На верху церкви выстроена деревянная сторожевая башня, въ которой постоянно находятся трое часовыхъ, смотрящихъ за движеніями горцевъ въ ущельѣ. Стѣны этихъ прекрасныхъ развалинъ покрыты плющемъ, дикимъ виноградомъ и фиговыми деревьями, изъ коихъ одно, на вершинѣ церкви, довольно велико. Кромѣ развалинъ церкви, сохранились еще двѣ башни, служащія воротами крѣпости, и часть стѣны; онѣ точно такой же постройки, какъ и церковь. Конечно, это былъ древній монастырь, обнесенный кругомъ каменною стѣною.

Хотя Гагра не составляетъ еще совершенно части Имеретіи; но отсюда уже считаютъ границу этой провинціи. Войска, составляющія гарнизонъ крѣпости, принадлежатъ уже къ войскамъ Грузинскимъ, и изъ Грузіи получаютъ провіантъ. Ущелье Гагры очень важно было въ древнія времена. Это былъ и есть единственный путь, по которому необузданные горцы врывались въ плодоносныя поля Грузіи и Имеретіи, и опустошали ихъ. Знаменитый полководецъ Помпей, во время войны съ Митридатомъ, распространилъ до этихъ мѣстъ владычество Римскаго оружія,

и построилъ каменную стѣну для защиты ущелья. Теперь нѣтъ и слѣдовъ стѣны. Но во всякомъ случаѣ, этотъ постъ, какъ останавливающій набѣги горцевъ, очень важенъ и въ настоящее время.

Одну изъ примѣчательностей въ Гагрѣ составляютъ здѣшнія собаки, служащія одною изъ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ стражей. Онѣ обыкновенно лежатъ внѣ крѣпости, при малѣйшемъ приближеніи непріятеля подымаютъ вой, и такимъ образомъ предупреждаютъ гарнизонъ о грозящей ему опасности; барабаны бьютъ; онѣ собираются въ кучки и уходятъ въ крѣпость.

Въ два часа, мы подняли якорь и, при обоюдныхъ выстрѣлахъ съ крѣпости, съ корвета и бывшаго здѣсь тендера *Соловей*, отправились далѣе. Палубу корвета мы украсили огромными лавровыми деревьями, которыя гарнизонъ рубитъ какъ дрова, и вѣтви коего служатъ солдатамъ вѣниками въ банѣ.

Посѣщеніе Гагры оставило въ насъ одно изъ пріятнѣйшихъ впечатлѣній. Дикость мѣста, отвѣсныя горы, изъ-за которыхъ виднѣются вершины другихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, это уединенное укрѣпленіе и эта горсть людей, оставленныхъ всѣми,—все это произво-

дитъ особенное чувство, чувство удовольствія и чувство сожалѣнія.

Въ 5 часовъ, мы были у мыса *Пицунди* съ сѣверной стороны, и приблизившись нѣсколько къ берегу, прошли около быстро текущей рѣки *Бзыбъ*, на которой выстроено Русскими въ настоящемъ году маленькое укрѣпленіе, прикрывающее переправу. Почти тотчасъ за крѣпостью Гагра разстилается ровная и низменная плоскость, покрытая кустарникомъ и лѣсомъ, начиная отъ подошвы высокихъ отдаленныхъ горъ, до самаго берега моря. Въ 6 часовъ по полудни, обогнувъ мысъ, мы бросили якорь въ полмили отъ берега, на глубинѣ 18 сажень. Большая глубина и порядочный грунтъ земли составляютъ хорошую стоянку для судовъ; здѣсь мы застали купеческое двухъ-мачтовое судно, выгружавшее провіантъ для войскъ. Отлогій берегъ покрытъ сосновымъ лѣсомъ, довольно порядочно вырубленнымъ. На самомъ берегу нѣтъ никакихъ строеній. Вступивши на землю, мы въ первый разъ увидѣли двухъ Абазинцевъ, продававшихъ огурцы. Самое бѣдное, чтобы не сказать нищенское, платье прикрывало ихъ прекрасный станъ; но за то, они имѣли полное вооруженіе. Родъ башлыка изъ бѣлаго грубаго сукна живописно покрывалъ ихъ голо-

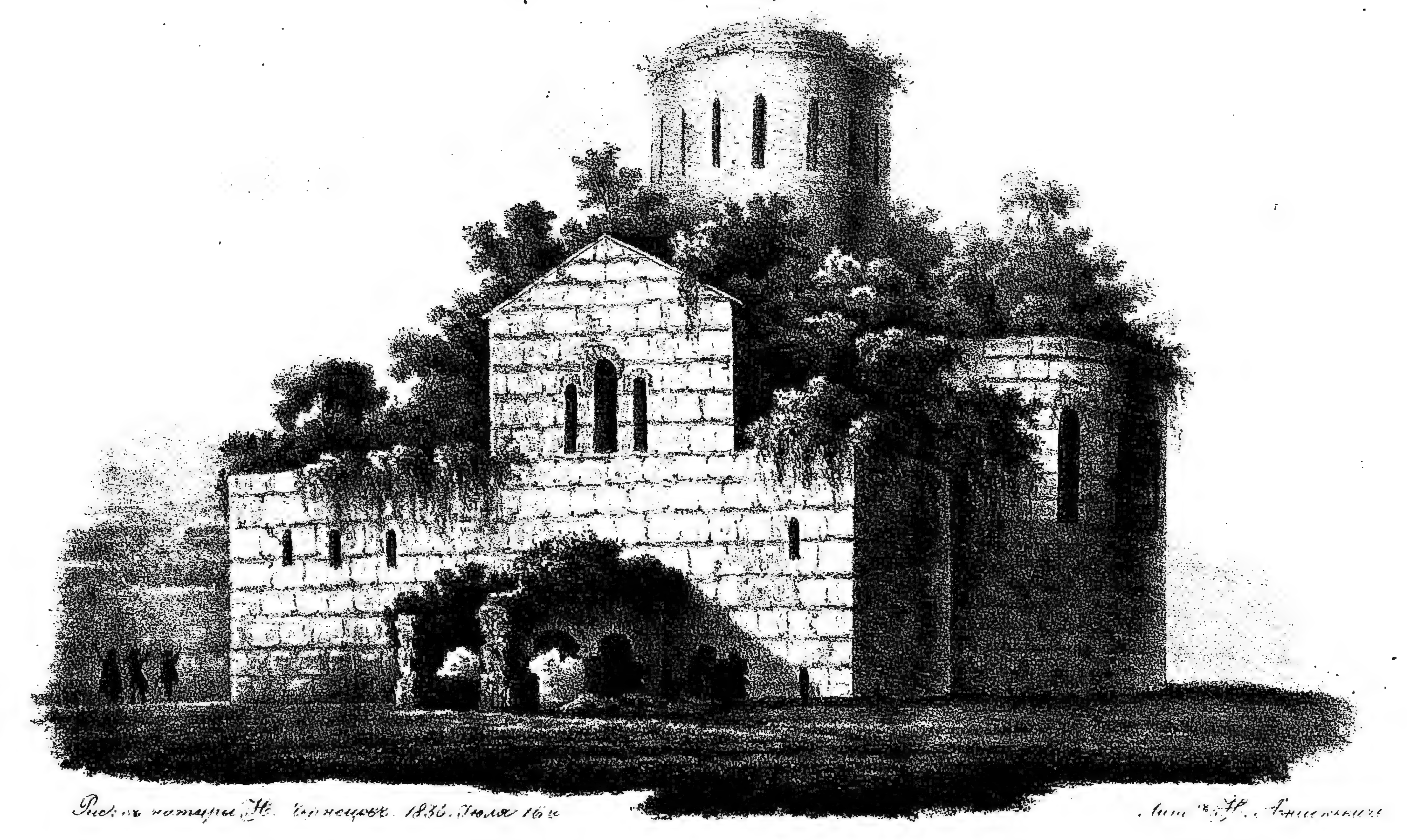

Рис: съ натуры Н. Чернецовъ. 1836. Іюля 16г.

ЛИТОГР. БИРАГИ ВЪ ОДЕССѢ.

ХРАМЪ ВЪ ПИЦУНДѢ.

вы Они не ушли отъ ненасытныхъ карандашей нашихъ артистовъ. Вмѣстѣ съ конвоемъ или просто солдатами, провожавшими подводы, нагруженные хлѣбомъ, мы тотчасъ отправились въ самое укрѣпленіе Пицунды, находящееся въ верстѣ отъ берега, и совершенно скрытое въ лѣсу.

Земля наша богата; провидѣніе щедрою рукою разсыпало дары свои по земному шару! Много есть и прекрасныхъ странъ и прелестныхъ мѣстоположеній; но что можетъ сравниться съ тою невыразимо-очаровательной картиною, какую представило намъ Пицундское укрѣпленіе! Кажется природа истощила всѣ свои силы, чтобы составить изъ этого мѣста одинъ изъ завиднѣйшихъ уголковъ на земномъ шарѣ! Вообразите себѣ величественные развалины храма, остатокъ прекрасно сохраненной Византійской архитектуры, обнесенный каменною стѣною, расположенные среди очаровательной долины, гдѣ столѣтніе дубы и величественные платаны перевились дикимъ виноградомъ; представьте себѣ эти окна съ разноцвѣтными круглыми стеклами и этотъ смѣлый куполъ, поросшій огромными фиговыми деревьями, и эти арки, поражающія васъ смѣлостію архитектуры; представьте все это, покрытое, подавленное яркою

зеленью, плющемъ, лаврами, виноградомъ и несмѣтнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ, — и вы будете имѣть слабое понятіе о Пицундскомъ укрѣпленіи. Взойдите теперь во внутренность храма; посмотрите на этотъ смѣло возвыщающійся надъ вами куполъ, на этотъ полуразвалившійся алтарь, въ которомъ еще и теперь приносятся молитвы, — и васъ невольно проникнетъ чувство священнаго благоговѣнія. Вѣки — цѣлые вѣки пронеслись надъ этимъ храмомъ; въ немъ возносились и теплыя мольбы Христіанина и раздавались неистовые крики варваровъ; часто невѣрный горецъ приносилъ на жертвенникъ свой мечь, какъ жертву успѣховъ на войнѣ; все сокрушающее время рѣзко положило на немъ свою печать; теперь единое дерево ворвалась сквозь разсѣлины, и лучи солнца прямо проникаютъ въ эту святыню; но храмъ уцѣлѣлъ, и путешественники съ удивленіемъ смотрятъ на это величественное зданіе, и съ благоговѣніемъ возносятъ мольбы къ Неисповѣдимому.

Пицунда (*) есть одно изъ древнихъ Византійскихъ поселеній на восточномъ берегу Чернаго моря; оно называлось *Питіусъ*, и во

(*) Любопытныя свѣдѣнія о Пицундѣ находятся въ недавно вышедшей книгѣ: *Арріана Периплъ Понта Эвксинскаго.* Одесса, 1836.

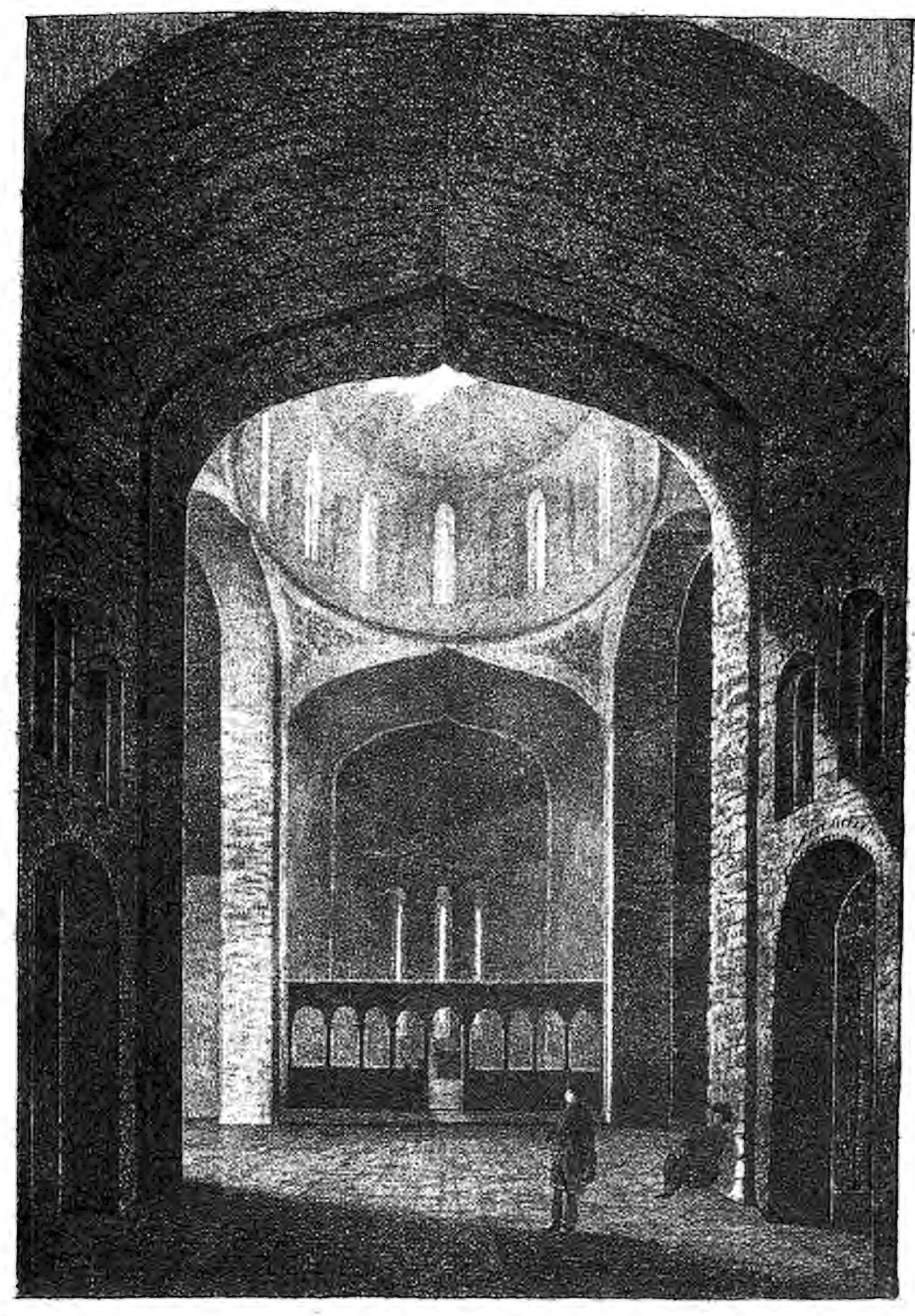

Рис. съ нат. Н. Чернецовъ. Лит. А. Бичикин. Лит. Н. Анискевича.

ВНУТРЕННОСТЬ ХРАМА ВЪ ПИЦУНДѢ.

время Римлянъ было однимъ изъ мѣстъ сильно укрѣпленныхъ. Римляне имѣли здѣсь свой гарнизонъ и производили довольно дѣятельную торговлю мѣстными произведеніями. Во времена Римлянъ, это было почти послѣднимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, до котораго простирались на этомъ берегу обширныя владѣнія Римской Имперіи. Теперь, здѣсь собственно начинается *Абхазія.* Ограда монастыря служитъ крѣпостными стѣнами; къ каменной стѣнѣ придѣланы деревянныя подмостки, и потомъ деревянныя амбразуры. Входъ въ укрѣпленіе пробитъ въ стѣнѣ и украшается двумя мраморными колоннами, вѣроятно взятыми изъ монастыря. Колодезь, надъ которымъ въ родѣ навѣса стелется виноградъ, доставляетъ самую лучшую на всемъ берегу воду. Климатъ здѣсь здоровъ; это укрѣпленіе почти совершенно безопасно отъ нападеній горцевъ, и гарнизонъ спокойно наслаждается прелестями природы. Наше правительство старается о сохраненіи этихъ прекрасныхъ памятниковъ древности, и Государь Императоръ отпустилъ довольно значительную сумму денегъ на поддержаніе какъ этой, такъ и другихъ церквей. Изрѣдка Іеромонахъ пріѣзжаетъ сюда отправлять Богослуженіе.

Богатство разнаго рода лѣса здѣсь удивительно. Кромѣ орѣховъ, платановъ, дубовъ и сосны, здѣсь растетъ въ большемъ количествѣ, такъ называемое, *пальмовое дерево* (Buxus) и дерево *Негной* (*) краснаго цвѣта; изъ перваго, мы достали много хорошо-выработанныхъ ложекъ; изъ втораго палки, мебели и проч. — Послѣднее очень красиво, особливо въ отдѣлкѣ. Дикій виноградъ необыкновенной величины, и нѣкоторые корни имѣютъ до двухъ вершковъ толщины. Гагра и Пицунда были заняты нашими войсками въ 1830 году.

Въ 8 часовъ мы возвратились на корветтъ;

(*) При сооруженіи Моисеемъ Скиніи свидѣнія, а также и при сооруженіи ковчега, алтаря и др., *негніющее дерево* было употребляемо *преимущественно*, что можно видѣть во второй Моисеевой книгѣ »*Исходъ,*« въ главахъ: XXV, стихахъ: 10, 13, 23 и 28; XXVI, стих. 16, 26, и 32, и въ XXVII, ст. 1 и 6.

При построеніи Соломономъ великаго храма, изъ негніющаго дерева сооружены были на ковчегъ завѣта два херувима, что можно видѣть въ третьей книгѣ »*Царствъ*« и во вторыхъ книгахъ »*Паралипоменонъ*«, гл. III ст. 10. — Въ Латинской Библіи »Вулгатѣ« негніющее дерево именуется: *Setim.* О Іудейскихъ древностяхъ Іосифа Флавія, част. 1 кн. III, гл. VI, отд. 5, негніющее дерево названо по Еврейски: *Еронъ. (Сообщено г. Мурзакевичемъ.)*

Профессоръ Одесскаго Ришельевскаго Лицея, г. Нордманъ, посѣтившій въ 1836-мъ году восточные берега Чернаго моря, говоритъ, что это дерево *Негной*, есть, такъ называемое, *Taxus Baccata.* Его находятъ и на Южномъ берегу Крыма. *Соч.*

дорога отъ укрѣпленія до берега моря есть одна изъ очаровательнѣйшихъ прогулокъ. Это мѣсто представило воображенію нашему дикіе лѣса Южной Америки. Мы тонули въ бархатной зелени луговъ, испещренныхъ разнообразными цвѣтами, въ то время, какъ платанъ и дубъ закрывали отъ насъ сводъ небесный, и виноградъ опускался надъ нашими головами. — Прибавьте къ этому чудную ночь, съ этимъ таинственнымъ луннымъ свѣтомъ, и эту гладкую поверхность необозримаго моря, какъ будто оледенѣвшаго въ своемъ движеніи, этотъ едва слышимый однообразный прибой моря и одинокій корветтъ, неподвижно стоящій у самаго берега, — и вы не удивитесь, что мы оставили Пицунду съ глубокимъ впечатлѣніемъ. Какъ ни разнообразны мысли и чувства человѣка, какъ ни разнообразны получаемыя имъ впечатлѣнія; но всѣ мы были одинаково восхищены! Ни величественныя картины Суджукъ-Кале, ни угрюмыя красоты Гагры не помѣшали Пицундѣ поразить насъ прелестями природы и таинственностію своего храма. Пройдутъ годы! много пролетитъ надъ нашими головами житейскихъ бурь, много еще мы испытаемъ разнообразныхъ, мучительныхъ и отрадныхъ, чувствъ; но воспоминаніе о Пицундѣ навѣрно

останется неизгладимымъ въ нашей памяти, и, кто знаетъ, можетъ быть оно, какъ свѣтлая точка, будетъ обозначать чью нибудь мятежную жизнь.

17-е Іюля.

Наступившая ночь помѣшала намъ остановиться у крѣпости *Бомборы*, которую мы прошли ночью, надѣясь посѣтить ее на обратномъ пути. Отъ Пицунды до *Сухумъ-Кале* 32 мили, и мы въ пять часовъ утра бросили якорь на Сухумскомъ рейдѣ, близь корветта *Пендеракліи*, бриговъ: *Пегаса*, *Тендера*, *Быстраго* и одного двухъ-мачтоваго купеческаго судна. Сухумскій рейдъ, есть одинъ изъ глубочайшихъ рейдовъ на всемъ пространствѣ восточнаго берега Чернаго моря. Отвѣсные берега образуютъ обширный заливъ и рейдъ въ видѣ бассейна, въ которомъ можетъ помѣститься многочисленный флотъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега глубина необыкновенная; мы стояли на 34 саженяхъ. Сильное теченіе и песчаный грунтъ, при такой отвѣсной глу-

бинѣ береговъ, дѣлаютъ здѣшній рейдъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ для судовъ; моряки не охотно остаются здѣсь, особливо въ зимнее время, и потому-то суда почти всегда стоятъ на двухъ переднихъ и одномъ заднемъ якорѣ; но и тутъ, при малѣйшей неосмотрительности, они подвергаются опасности. Хорошо, если погода позволитъ сняться съ якоря и уйдти въ открытое море; въ противномъ случаѣ, навѣрно будетъ на берегу. Не далѣе какъ въ прошедшую зиму, одинъ военный бригъ погибъ у здѣшнихъ береговъ, съ командиромъ и нѣсколькими матросами. Сухумъ-Кале расположенъ на низменномъ мѣстѣ; множество болотъ окружаютъ его, особливо съ сѣверной стороны; но въ недальнемъ разстояніи возвышаются горы, покрытыя снѣгомъ и множествомъ лѣсу, между которымъ лавры образуютъ цѣлыя рощи. Небольшая каменная крѣпость (кажется, Турецкой постройки), нѣкоторыя части коей пришли уже въ развалины, была взята Русскими у Турокъ въ 1800 году. Спокойствіе окрестныхъ жителей и совершенная безопасность отъ нападенія горскихъ народовъ оставляютъ гарнизонъ спокойнымъ. Внутри крѣпости нѣтъ почти никакихъ строеній; деревянная Русская церковь сложена изъ развалинъ ста-

рой мечети. Турецкая надпись надъ сѣверными воротами, означающая время построенія этой крѣпости какимъ-то визиремъ, и необыкновенной величины гранатовое дерево, растущее въ саду коменданта, — вотъ все, что можетъ обратить вниманіе путешественника. Форштадтъ крѣпости состоитъ изъ небольшихъ деревянныхъ закопченыхъ и запачканныхъ строеній, бо̀льшею частью лавокъ, въ которыхъ Имеритинцы и Русскіе Армяне, временные пришельцы изъ Редутъ-Кале и Кутаиса, производятъ мелочной торгъ копченою рыбою, солью и проч.

Сухумъ-Кале не могъ удивить насъ, полныхъ еще живыхъ впечатлѣній Гагры и Пицунды. Въ 7-мъ часовъ, мы оставили Сухумъ и поплыли далѣе вдоль береговъ, постоянно держась весьма близкаго къ нимъ разстояніи. Не вдалекѣ отъ Сухума, почти въ Сухумскомъ рейдѣ, на югъ, находится въ красивомъ мѣстѣ деревня *Келасуръ*; тутъ же развалины древняго монастыря Св. Георгія. Здѣсь живетъ сынъ *Османъ бея*, бывшаго послѣдняго владѣтеля Сухумской крѣпости. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ противъ Россіи, онъ навлекъ-было на себя справедливое негодованіе нашего Правительства; но теперь спокойно занимается лѣснымъ

торгомъ и проч. Обширный Сухумскій рейдъ оканчивается отлогимъ мысомъ *Искурія*. Не доходя этого мыса, находится другой, не столь значительный мысъ *Кодоръ*, получившій свое названіе отъ рѣчки того же имени. Здѣсь виднѣются уединенныя развалины значительнаго въ древности города *Дандарисъ*, на мѣстѣ котораго выстроено Русскими небольшое укрѣпленіе.

Искурія, древняя *Діоскурія*, потомъ *Севастополь*, былъ въ древности значительнымъ, хорошо населеннымъ мѣстомъ и производилъ обширную торговлю. Римляне имѣли въ Севастополѣ значительный гарнизонъ, и управляли отсюда всѣми горскими, подвластными имъ, народами. Правитель Каппадокійской области *Арріанъ*, въ описаніи береговъ Чернаго моря, представленномъ имъ императору Адріану, говоритъ, что онъ » тотчасъ по пріѣздѣ своемъ сюда, дѣлалъ смотръ Римскому гарнизону, осматривалъ лошадей, оружіе и обучалъ всадниковъ скакать на лошадяхъ. « Путешественникъ, разсматривая теперь эти пустынныя мѣста, живетъ только воспоминаніемъ протекшаго.

За мысомъ *Искурія*, край принимаетъ совершенно другой видъ. До мыса *Анакріц*, почти на разстояніи 40 миль, тянется отло-

гій, болотистый берегъ; бѣлѣющіяся вдали снѣжныя вершины горъ изрѣдка одушевляютъ эту унылую, однообразную картину, и нѣтъ предмета, который-бы остановилъ вниманіе путешественника. На этомъ пространствѣ много небольшихъ рѣчекъ (*) впадаетъ въ море; берегъ покрытъ болотистыми растеніями, и земля, говорятъ, чрезвычайно плодородна. Во времена Римлянъ, на этомъ берегу было много поселеній, между коими особенно значительно было мѣсто *Илори*. Теперь тамъ существуютъ только развалины древняго монастыря.

Однообразное плаваніе наше было нѣсколько оживлено двумя Турецкими лодками, которыя, завидѣвши военный корветъ, бросились къ берегу и подняли Русскіе флаги. По мелководію, мы не могли подойти ближе и разсмотрѣть ихъ внимательнѣе; но конструкція судовъ, вооруженіе и другіе признаки сильно обличали въ бѣглецахъ Турецкихъ контрабандистовъ.

Въ 4 часа по полудни, мы были на траверзѣ мыса *Анакріи*. Здѣсь собственно оканчивается Абхазія и начинается Мингрелія, которая простирается до самой крѣпости Поти. Возвышающаяся надъ этимъ мѣстомъ

(*) Имѣвшихъ нѣкогда классическую извѣстность, к. т. Харіисъ, Ховосъ, Сиптамисъ, Тарсурасъ, Иппосъ, Астелефъ и др.

остроконечная гора *Оленъ* служитъ маякомъ для мореплавателей, и обозначаетъ положеніе Анакріи и Редутъ-Кале. *Анакрія*, по Турецки *Анакра*, расположенная на лѣвомъ берегу рѣки *Энгури*, представила намъ только живописныя развалины древняго монастыря, на мѣстѣ бывшей здѣсь довольно значительной крѣпости. Вся эта часть Абхазіи, отъ Пицунды до Енгури, включалась въ древнюю Колхиду и составляла Понтійское царство, до покоренія онаго Римлянами. Съ большею вѣроятностію можно полагать, что христіанское вѣроисповѣданіе введено въ Абхазію сначала Грузинскими (Иверскими), а потомъ Византійскими императорами, и Юстиніанъ I былъ одинъ изъ тѣхъ Византійскихъ императоровъ, которые болѣе всѣхъ старались о распространеніи здѣсь христіанства. Вѣроятно, большая часть церквей, представляющихъ теперь одни только развалины, обязаны своимъ существованіемъ усердію Юстиніана. Если вѣрить Грузинскимъ преданіямъ, то христіанскій законъ Греческаго исповѣданія введенъ въ этотъ край Грузинскими царями, которые имѣли даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископовъ, и между прочимъ въ Пицундѣ (*). По

(*) Въ IV-мъ вѣкѣ (по Р. Х.) какая-то плѣнница Нонна или Нина способствовала къ распространенію христіанства. Из-

утвержденіи владычества Турокъ на этомъ берегу, христіанство исчезло; мѣсто его заступилъ исламизмъ; но, и при соблюденіи магометанскаго закона, жители обнаруживали нѣкоторые остатки христіанства, оказывая почтеніе древнимъ церквамъ. Этому чувству, можетъ быть, мы обязаны

цѣливъ младенца одной жены и уврачевавъ супругу Иверскаго царя Вакурія, она пріобрѣла такую довѣренность у царя, что тотъ испросилъ епископа у императора Константина, для просвѣщенія христіанствомъ Грузіи. Успѣхъ проповѣданія былъ такъ великъ, что и Мингрелія приложилась къ Христовой церкви. Sosomen. lib. II c. VII. Histoire Ecclesiastique, par le baron de Mosheim tom. I, pag 344.

Христіанскіе храмы въ IV вѣкѣ обыкновенно строились или продолговатые, на подобіе корабля, чтобы тѣмъ означить »*плаваніе къ небесному пристанищу*«, или на подобіе креста, какъ единственнаго »*пути къ царствію*«. Во внутренности, храмы устроялись такъ: алтарь съ иконостасомъ были нѣсколькими ступенями выше прочихъ частей храма; кромѣ того, алтарь отъ народныхъ взоровъ былъ закрываемъ преградою, недоступною для неосвященныхъ лицъ. Эта преграда украшалась изображеніями святыхъ, кои взорамъ вѣрующихъ открывали »*Іерусалимъ небесный*«; въ преградѣ, сверхъ того, было трое дверей: средція, именовавшіяся царскими, въ знаменіе вшествія чрезъ нихъ »*царя славы къ престолу благодати*«; остальныя по сторонамъ: для входа церковно-служителей. Въ смежности съ алтаремъ, на правой сторонѣ находилась »*служебная палата*«, по нынѣшнему ризница; на лѣвой »*предложеніе*«, гдѣ пріуготовлялись святыя тайны, нынѣ жертвенникъ. Предверіе служило помѣщеніемъ кающимся и язычникамъ, намѣревающимся принять христіанство. Evsebius. Vita Constant. lib. III cap. XXXV и другія постановленія отцевъ церкви. (*Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ.*)

сохраненіемъ прекрасныхъ развалинъ древнихъ монастырей и церквей, разсѣянныхъ по этому берегу Чернаго моря. И теперь многіе изъ Абхазцевъ, исповѣдывающихъ магометанскій законъ, предъ начатіемъ какого-нибудь важнаго дѣла, или предъ походомъ на непріятелей, втыкаютъ саблю или кинжалъ въ жертвенники и престолы развалившихся храмовъ. Бо́льшая часть Абазинцевъ теперь христіане, и число принимающихъ христіанство безпрестанно увеличивается. — Что́ это у тебя на шеѣ, спросилъ я у одного Абазинца въ *Бомборахъ*, имѣвшаго на себѣ мѣдный крестъ. »Я христіанинъ!« отвѣчалъ онъ. Но тамъ же, другой обращенный въ христіанство Абазинецъ, продававшій мнѣ Абазинскую шапку, сказалъ, между прочимъ: »купи эту шапку; она хороша, ее шилъ не христіанинъ, а магометанинъ.« Многіе изъ этихъ неофитовъ, какъ и вездѣ случается, обратившись въ Христіанскую вѣру и получа за то опредѣленное вспомоществованіе, забываютъ даже имя, данное имъ при св. крещеніи, очень далеки отъ истиннаго понятія о принятой ими вѣрѣ, смотрятъ на это какъ на выгодную спекуляцію и часто, какъ говорятъ, переходя съ одного мѣста на другое, принимаютъ по нѣскольку разъ святое крещеніе. Злоупо-

требленія такого рода, при грубой необразованности этого народа, неудивительны. Но какъ бы то ни было, христіанская вѣра сильно распространяется между Абазинцами и, безъ сомнѣнія, принесетъ благодѣтельныя послѣдствія

Впадающая близь Анакріи въ море рѣка *Энгури* такъ быстра, что на нѣсколько верстъ море не можетъ остановить стремительнаго ея теченія; она обозначаетъ свой путь бѣлымъ или, лучше сказать, мутнымъ цвѣтомъ, и рѣзкой чертою отдѣляется отъ морской воды.

Тотчасъ за Анакріею мы увидѣли *Редутъ-Кале*, и около шести часовъ бросили якорь на глубинѣ 10 саженъ, въ разстояніи отъ берега слишкомъ на 5 миль, близь двухъ купеческихъ лодокъ. Не защищаемый отъ вѣтровъ ни съ одной стороны, этотъ рейдъ имѣетъ всѣ возможныя невыгоды для стоянки судовъ, или, лучше сказать, здѣсь вовсе нѣтъ рейда. Открытое мѣсто, дурной грунтъ, сильное теченіе рѣкъ, превратившихъ море въ бурый цвѣтъ, — вотъ достоинства здѣшняго порта. При малѣйшемъ вѣтрѣ съ моря, суда тотчасъ снимаются съ якорей, изъ опасенія быть выброшенными на этотъ негостепріимный берегъ. Не смотря однако на эти невыгоды и опасности, *Редутъ-Кале* игралъ

важную роль въ торговомъ свѣтѣ въ 1830 году, во время свободнаго транзитнаго торга съ Закавказскимъ краемъ. Негостепріимный рейдъ его былъ постоянно покрытъ множествомъ купеческихъ судовъ, доставлявшихъ товары изъ Лейпцига и Австріи; торговыя выгоды побѣждали опасности; но съ прекращеніемъ транзитнаго торга, Редутъ-Кале обратился къ прежнему ничтожеству, и теперь изрѣдка только купеческій флагъ развѣвается въ виду этой крѣпости. Мы пустились къ берегу на катерахъ, и съ довольно большою трудностію достигли Редутъ-Кале. Рѣка *Коби* или *Хопе*, на которой расположена крѣпость, впадая или, лучше сказать, врываясь въ море, по отлогому и песчаному берегу, почти безпрестанно измѣняетъ свой фарватеръ и производитъ такіе большіе буруны, что при малѣйшей неосторожности лодку заливаетъ водою; одинъ бурунъ настигаетъ другой, бьетъ катеръ, не даетъ ему оправиться, и потому-то, при малой увѣренности въ проходѣ, очень часто бываютъ несчастные случаи, особенно при небольшомъ вѣтрѣ, который еще болѣе увеличиваетъ волненіе. У самаго входа въ рѣку, на лѣвой сторонѣ, находится укрѣпленіе, которое почти не видно съ моря. Древній *Ховосъ*, Турецкій

Кримчалъ, Русскій *Редутъ-Кале*, есть небольшое земляное укрѣпленіе. Миновавши его, мы пріятно были поражены прекрасными берегами рѣки, покрытой съ обѣихъ сторонъ густою зеленью, кустарниками, дикими фигами, орѣшникомъ и виноградомъ. Отъ укрѣпленія до Редутъ-Кале болѣе версты, и часто на этомъ пространствѣ мы плыли подъ вѣтвями склонившихся къ рѣкѣ деревъ. На берегу мы видѣли огромныя кучи брусьевъ орѣховаго и можжевеловаго лѣса, привезеннаго сюда изъ разныхъ мѣстъ Грузіи, Мингреліи и Гуріи; онъ отправляется потомъ въ Россію моремъ. Положеніе *города*, если только можно назвать городомъ нѣсколько собранныхъ вмѣстѣ деревянныхъ домиковъ, очень любопытно, и живо напомнило мнѣ, Амстердамъ и тамошніе каналы. Дома построены на сваяхъ у самаго берега рѣки; лодки и довольно большія суда пристаютъ къ самимъ домамъ и такимъ образомъ отдаютъ и получаютъ грузъ. Мы пристали къ одному крыльцу, вошли по лѣстницѣ въ нижній этажъ дома — магазинъ наполненный разнаго рода рыбою, и вышли оттуда съ противоположной стороны на улицу, обстроенную съ обѣихъ сторонъ деревянными домами или, скорѣе, лавками. Изъ этой одной, впрочемъ довольно длин-

ной, улицы состоитъ весь городъ. Постоянныхъ жителей здѣсь очень мало, и живутъ только по торговымъ дѣламъ Армяне и Греки, пріѣзжающіе изъ разныхъ мѣстъ Мингреліи торговать рыбою и солью, доставляемыми сюда изъ Керчи и Ростова. Небольшое количество красныхъ товаровъ, находящихся здѣсь въ лавкахъ, доставляется часто изъ Харькова, большею частію чрезъ Керчь. Мы думали найдти въ Редутъ-Кале хорошіе Азіятскіе товары и вещи, но должны были довольствоваться незавидными кинжалами, поясами и другими мелочными вещами.

Наступившая ночь заставила насъ оставить Редутъ-Кале. Темнота и усилившаяся зыбь дѣлали возвращеніе наше затруднительнымъ и даже опаснымъ. Высоко подымались буруны, обозначаясь на темной поверхности моря бѣлою пѣною, и потомъ съ продолжительнымъ шумомъ разливались по отлогому берегу. Мы пустились. Одинъ бурунъ залилъ насъ водою; вотъ несется другой, и руль выскочилъ до половины; катеръ ударился и задрожалъ. » Сильнѣй, ребята, не торопись« закричалъ офицеръ, правившій рулемъ. Одинъ ударъ веселъ, другой, третій и вотъ мы выскочили въ море, и вотъ уже на пароходѣ! Еще нѣсколько ми-

нутъ, и насъ принялъ пріютный корветтъ Ифигенія.

Но есть предѣлъ всему; радости часто выкупаются печалями! Съ вечера воздухъ становился тяжеле; облака надвигались и закрыли звѣздное небо; зыбь постепенно увеличивалась и около полуночи пошелъ проливной дождь, не оставлявшій насъ цѣлыя сутки. Ровно въ полночь разбудилъ меня голосъ вахтеннаго офицера, » пароходъ дрейфитъ прямо на корветтъ! « Поднялась суматоха. На пароходъ отдали другой якорь. Дрейфитъ! Отдали третій и развели пары. Корветтъ, между тѣмъ, безпрестанно выпускалъ свою цѣпь, и отдалялся отъ опаснаго сосѣда. Къ 4-мъ часамъ все было готово, подняли якоря и пошли далѣе къ Поти, при сильной зыби и проливномъ дождѣ.

18-е Іюля.

Въ шесть часовъ утра мы остановились на траверзѣ сѣвернаго устья рѣки Ріона, и бросили якорь въ 3-хъ миляхъ отъ крѣпости *Поти*. Дождь продолжался, противный вѣтеръ и зыбь увеличивались. Посланный на берегъ мичманъ въ легкой шестеркѣ, послѣ тщетной попытки, въ теченіе 3 часовъ, возвратился съ извѣстіемъ, что къ берегу никакъ нельзя пристать. Оставаться болѣе на якорѣ не было возможности, и такимъ образомъ, мы съ сожалѣніемъ должны были отказаться отъ удовольствія, о которомъ такъ много думали, видѣть древную рѣку *Фазисъ*, ознаменованную посѣщеніемъ Аргонавтовъ, пристававшихъ сюда за золотымъ руномъ, какъ увѣряетъ безсмертный Омиръ, Пиндаръ и другіе поэты отдаленной древности. Здѣш-

ній рейдъ точно такъ-же неудобенъ и невыгоденъ какъ и въ *Редутъ-Кале*. Множество отмелей, безпрестанно измѣняющихся отъ сильнаго теченія Ріона, закрываютъ входъ въ устье рѣки, и препятствуютъ близко подходить къ берегу. Крѣпость Поти, древній гор. Фазисъ, на лѣвой сторонѣ Ріона, игралъ довольно важную роль во время владычества Римлянъ; тамъ производился значительный торгъ плѣнниками. Въ позднѣйшее время, Поти выдержала многія осады; въ 1809 году эта крѣпость была взята Русскими, но въ 1812 году отдана Туркамъ по Букарестскому трактату.

Измученный почти суточною, ужаснѣйшею качкою, я едва вытащился на палубу, и смотрѣлъ издали на покрытые туманомъ Поти и Ріонъ; только издали мы привѣтствовали знаменитую рѣку, имя которой еще съ малолѣтства звучитъ въ ушахъ нашихъ. Я очень желалъ побывать на этой рѣкѣ, бывшей свидѣтельницею величайшихъ событій въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ; нѣкоторымъ изъ насъ непремѣнно хотѣлось быть послѣдователями Язона, чтобы увидѣть золотое руно, и узнать заключается-ли оно въ золотомъ пескѣ, который здѣсь иногда находятъ въ весьма маломъ количествѣ, или нужно для это-

го погрузить въ воду овечью шерсть, и вынуть ее покрытою золотомъ.

Морская болѣзнь прервала историческія мои мечтанія, и я изъ древняго міра мигомъ переселился въ настоящій и залегъ въ проютную койку. Въ 10 часовъ утра мы снялись съ якоря, и пошли въ обратный путь по направленію къ Сухуму. Вѣтеръ далъ возможность распустить паруса, и мы съ радостію слушали команду: »ставить марсы, гротъ, брамсели и кливеръ«; что касается до меня, то я хотѣлъ-бы увеличить еще число парусовъ, только-бы избавиться хотя сколько-нибудь отъ качки и скорѣе идти. Но погода насъ обманула; не болѣе какъ черезъ полтора часа вѣтеръ сдѣлался противный, и мы снова принуждены были закрѣпить всѣ паруса, и идти на буксирѣ у парохода. Въ часъ мы дѣлали узелъ и узелъ съ четвертью. Дождь продолжался по прежнему. Такъ прошелъ день, такъ прошла и ночь.

Всѣ знаютъ, какъ тяжела морская болѣзнь для не-моряка, для человѣка непривыкшаго къ морю; но надобно испытать эту болѣзнь, это непріятное чувство, чтобы имѣть истинное о немъ понятіе. Это какое-то странное положеніе, въ которомъ вамъ все несносно, и участіе другихъ, и предложеніе услугъ,

и разговоры, и тишина. Почему медицина, которая ежедневно дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи въ своемъ усовершенствованіи, не выдумаетъ до сихъ поръ никакого средства противъ этого страданія? Это было-бы величайшее благодѣяніе для всѣхъ вообще и для самихъ моряковъ! потому что многіе даже изъ нихъ не могутъ выдерживать продолжительной сильной качки. Знаменитый адмиралъ Нельсонъ постоянно страдалъ болѣе или менѣе отъ морской болѣзни.

19-е Июля.

Дождь пересталъ; погода прояснилась; взошло солнце и залило пурпуромъ золотыхъ лучей и море и берега. Намъ сдѣлалось легче. Мы выползли на палубу, гдѣ все послѣ суточнаго дождя снова блистало, будто корветъ только-что спущенъ былъ на воду изъ адмиралтейства. Послѣ морскаго совѣта, прекратились всѣ сомнѣнія на счетъ недостатка угля на пароходѣ, и невозможности далѣе продолжать съ нимъ путь. Признаюсь, мысль быть оставленнымъ пароходомъ, который такъ усердно служилъ намъ и буксировалъ почти во все время плаванія, остаться такимъ-образомъ въ распоряженіи непостоянныхъ вѣтровъ и не знать, когда именно возвратимся, сильно насъ безпокоила; однакожъ на *Петрѣ Великомъ* оставался еще запасъ угля на

четверо сутокъ, и мы рѣшились зайдти въ Бомборы, чтобы увидѣть это укрѣпленіе, которое миновали, идучи изъ Пицунды въ Сухумъ-Кале, и дать возможность пароходу очистить засорившіяся трубы. Въ два часа по полудни, мы бросили якорь на Бомборскомъ рейдѣ въ разстояніи двухъ миль отъ берега, подлѣ трехъ купеческихъ двухъмачтовыхъ судовъ. Бомборскій рейдъ, составляющій, такъ сказать, часть обширнаго залива, идущаго отъ Пицунды до Сухума, весьма пространенъ, открытъ и не имѣетъ удобной пристани. Огромные буруны, то догоняя, то перегоняя другъ друга, съ шумомъ разливались по отлогому песчаному берегу и покрывали его бѣлою пѣной. Пристать было довольно затруднительно; однакожъ мы достигли берега, хотя съ трудомъ, и только поплатились за это небольшой морскою ванной, которую насильно заставляли насъ брать морскія волны. Нѣсколько человѣкъ матрозовъ и солдатъ выносили насъ на рукахъ изъ катеровъ на берегъ; но гичка, которою правилъ самъ почтенный нашъ капитанъ (*), взлетѣла съ бурунами на берегъ, и потомъ также спустилась въ открытое море. Это было пре-

(*) Капитанъ - лейтенантъ Ефимъ Васильевичь Путятинъ.

красное и величественное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что въ гичкѣ виднѣлись шляпки нашихъ спутницъ — неустрашимыхъ дамъ.

На самомъ берегу мы нашли небольшое четыреугольное деревянное укрѣпленіе, обезпечивающее выгрузку на берегъ людей и провіянта. Прежде всего, мы посѣтили развалины древняго монастыря, отстоящаго на четверть версты отъ укрѣпленія. Онъ имѣетъ обыкновенную форму древнихъ церквей, не великъ, построенъ полукружіемъ и съ двумя нишами. Всѣ монастыри, находящіеся на этомъ берегу, построены въ самыхъ живописныхъ мѣстахъ: или среди лѣсовъ, или на берегу моря и вблизи источниковъ. Уединенная, отшельническая жизнь не препятствуетъ человѣку наслаждаться красотами природы. Сопровождаемые комендантомъ и множествомъ Абазинцевъ и Армянъ, мы отправились въ самую крѣпость Бомборы, отстоящую отъ берега по-крайней мѣрѣ версты на двѣ. Дорога эта лежитъ среди лѣса изъ дубовыхъ, орѣховыхъ и буковыхъ деревьевъ, но этотъ лѣсъ много потерпѣлъ отъ разрушительной руки человѣка. Съ перваго взгляду мѣстоположеніе крѣпости покажется невыгоднымъ, по причинѣ низменнаго мѣста; но приблизившись, вы замѣтите, что она построена на воз-

вышеніи, владычествующемъ обширнѣйшею вокругъ ея долиною. Крѣпость окружена землянымъ валомъ съ батареями. Внутри ея нѣтъ другихъ построекъ, кромѣ казармъ, госпиталей и нѣкоторыхъ еще крѣпостныхъ зданій. Здѣсь бригадная квартира войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Абхазіи. Тотчасъ подлѣ крѣпости находится форштатъ, также обнесенный большимъ землянымъ валомъ; въ немъ находятся лавки и живутъ купцы Мингрельцы и Грузинскіе Армяне, пріѣзжающіе сюда изъ Кутаиса и другихъ мѣстъ. Вся здѣшняя торговая промышленность ограничивается небольшимъ потребленіемъ мѣстныхъ произведеній и необходимыхъ для жизни предметовъ.

Прибытіе наше въ Бомборы было довольно выгодно для тамошнихъ торговцевъ. Это было послѣднее мѣсто, которое мы посѣщали на восточномъ берегу Чернаго моря, и потому всѣ мы старались имѣть какую-нибудь вещь, которая служила-бы намъ воспоминаніемъ. За обыкновенные Абазинскіе кинжалы и пояса мы платили, можно сказать, вѣсомъ золота.

Между прочимъ, мы нашли здѣсь довольно порядочное красное Грузинское вино (*Чихирь*, общее названіе) двухъ сортовъ, дѣлаемое большею

частію изъ дикаго винограда. Въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ здѣшнихъ торговцевъ, мы познакомились съ однимъ Грузиномъ, урожен-цемъ Кутаиса, бывшимъ переводчикомъ при извѣстномъ путешественникѣ *Гамбѣ*.

Не вдалекѣ отъ Бомборъ, въ деревнѣ *Соуксу*, живетъ владѣтельный князь Малой Абхазіи *Михаилъ Шервашидзе*, полковникъ Русской арміи. Онъ выстроилъ тамъ красивую деревянную церковь, и живетъ съ своимъ семействомъ; ему принадлежатъ обширныя земли вокругъ Бомборъ, покрытыя большею частію лѣсомъ. Эти пространныя земли и лѣса онъ отдаетъ чужимъ и подвластнымъ ему Абазинцамъ на разныхъ условіяхъ, изъ коихъ въ большемъ употребленіи есть то, по коему половина произведеній изъ взятой земли идетъ владѣльцу, а другая взявшему землю.

Вообще, здѣсь видно болѣе торговой дѣятельности и разнаго рода промышленности, нежели въ другихъ мѣстахъ этого берега. Плодоносныя равнины, богатство лѣса, близость Кутаиса и Тифлиса, придаютъ здѣшнему мѣсту особый родъ жизни и дѣятельности, и дѣлаютъ его однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ занятыхъ нами въ 1830 году. Мы поражены были огромностію нѣкоторыхъ буковыхъ деревьевъ, изъ коихъ иныя

такъ толсты, что во внутренности ихъ могутъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Вообще, лѣсъ могъ-бы сдѣлаться важнымъ предметомъ торговли въ Мингреліи и Абхазіи, хотя впрочемъ довольно трудно распространить значительнымъ образомъ эту торговлю, при неимѣніи въ здѣшнемъ краѣ хорошихъ удобныхъ сообщеній и при трудности водяныхъ путей по горнымъ рѣкамъ. Но при всемъ томъ, это такое богатство, которое природа приготовила щедрою рукою для нашихъ Черноморскихъ портовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что доставка разнаго рода строеваго лѣса до берега моря, тѣмъ или другимъ способомъ, не можетъ имѣть большихъ затрудненій; а выгода отъ этого далеко превзойдетъ и препятствія и затрудненія. Нѣсколько тысячь квадратныхъ верстъ, покрытыхъ превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, составляютъ огромное богатство для морской державы.

Въ 8 часовъ вечера мы были на корветтѣ, а въ 10 подняли якорь и пустились въ море. Ночь была ясная. Качка уменьшилась, и мы тихо и спокойно подвигались впередъ.

20-е и 21-е Іюля.

При ясной погодѣ, безоблачномъ небѣ и при звукахъ музыки, мы провели весь день, тихо подвигаясь вдоль береговъ, по направленію къ мысу Мамаю. Предъ нами постоянно тянулась цѣпь горъ, покрытыхъ снѣгомъ. Къ вечеру горы начали удаляться, синѣя только вдали, и наконецъ мы совершенно съ ними простились.

Видѣли-ль вы когда-нибудь амбаркировку въ открытомъ морѣ, на маленькомъ суднѣ, когда уютная, легкая шестерка вдругъ, по волшебному свистку, бросается съ высоты нѣсколькихъ сажень въ море съ двумя стоящими на ней матрозами, которые заботятся, во время этого воздушнаго путешествія, не о своей безопасности, а только о томъ, чтобы не оцарапать какъ-нибудь корвета. Смотрите, волны подхватываютъ этотъ катерокъ, бросаютъ его на-

задъ, впередъ, влѣво, вправо; но шесть веселъ уже выброшены, на рулѣ сидитъ уже четырнадцати-лѣтній гардемаринъ, и шестерка быстро несется по волнамъ, то подымаясь на водяныя горы, то опускаясь въ бездну; брызги летятъ во всѣ стороны, но шестерка уже у цѣли, и опять уже на таляхъ; раздается свистокъ, и чрезъ минуту она спокойно виситъ на прежнемъ мѣстѣ.

Къ вечеру опять началась качка; ночью она усилилась, и съ неимовѣрнымъ упорствомъ продолжалась весь день 21-го Іюля. У Крымскихъ береговъ, какъ мы послѣ узнали, былъ въ это время сильный вѣтеръ NW; онъ-то подарилъ насъ этой ужасной зыбью, которая разводила море и бросала корветъ и пароходъ какъ мячики. Носъ корвета зарывался въ воду, и волны покрывали шканцы. Не было возможности держаться на ногахъ, и не смотря на эту зыбь, пароходъ дрожалъ, но тащилъ корветъ. Были минуты, когда фонарь, повѣшенный на гротъ-мачтѣ у парохода, казался привязаннымъ на носу у корвета. Одинъ неосторожный толчекъ могъ-бы повлечь за собою Богъ-знаетъ какія послѣдствія, и этотъ опытъ, хотя трудный, доказалъ все достоинство парохода *Петръ Великій*. Я не говорю уже о на-

шихъ страданіяхъ въ это время. Такъ провели мы день и ночь, съ нѣкоторыми только перемѣнами.

22-е Іюля.

Въ 5 часовъ утра, радостный крикъ »*видны Крымскія горы*« пробудилъ насъ отъ безпокойнаго сна. Мы были въ 50-ти миляхъ отъ Ялты, и вскорѣ узнали гору *Аю-дагъ*. Надобно испытать морское путешествіе, надобно пострадать и быть вмѣстѣ съ тѣмъ не морякомъ, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить то удовольствіе, которое ощущаемъ мы при видѣ береговъ — предѣла путешествія. Это чувство нельзя сравнить: ни съ чѣмъ все исчезаетъ, все проходитъ, и болѣзнь и неудовольствіе.

Мы подходимъ ближе и ближе; вотъ и *Чатырдагъ*, который такъ гордо раскинулъ свой шатеръ, вотъ и длинная цѣпь Яйлы. Здѣсь *Юрзуфъ*, тамъ *Ай-Тодоръ* съ маякомъ, а вотъ и роскошный садъ *Никиты*, *Магарачъ* съ

множествомъ бѣлѣющихся домовъ, *Массандра* съ своимъ зеленымъ паркомъ; вотъ наконецъ и *Ялта* съ своею роскошной очаровательной долиною, залитой зеленью и садами. Въ Магарачѣ раздался выстрѣлъ, другой; съ корветта полетѣлъ отвѣтъ. Шкуна *Голубка*, стоявшая на Ялтинскомъ рейдѣ, покрылась дымомъ отъ выстрѣловъ; корветтъ завороздилъ море отвѣтными выстрѣлами, и среди этого дыму, въ 5 часовъ по полудни, мы бросили якорь близь Ялты.

Такая же прекрасная погода, какая провожала насъ въ путь, встрѣтила и при возвращеніи. Двѣнадцать дней путешествія нашего умчались въ вѣчность. Какъ ни кратко было это время, но оно оставило много впечатлѣній и пробудило много чувствъ, дотолѣ невѣдомыхъ намъ. Быть можетъ, многимъ изъ насъ не разъ еще въ жизни достанется совершать подобныя странствія, не разъ придется испытать въ будущемъ и большія трудности; но врядъ-ли кого-либо изъ насъ посѣтятъ тѣ-же чувства удовольствія и наслажденія, какія испытали мы въ этой занимательной поѣздкѣ, тѣмъ болѣе, что все прошедшее такъ легко изглаживаетъ изъ памяти нашей всѣ неудовольствія, оставляя только пріятныя впечатлѣнія. Кому-же обя-

заны мы и этими чувствами и этими наслажденіями, какъ не тому, имени котораго я осмѣлился посвятить слабый мой трудъ?

Таблица,

показывающая разстоянія разныхъ мѣстъ и крѣпостей на восточномъ берегу Черкаго моря, отъ Керчи до крѣпости Поти.

	Разст. по пути корвета близъ берега.	Разст. между мѣстами въ прямой линіи.
Отъ Керчи до Анапы	45	43
Отъ Анапы до м. Исусупъ	10	$8\frac{1}{2}$
» Суджукъ-Кале	26	24
» Геленджика	10	8
» Пшадъ	$19\frac{1}{2}$	$16\frac{1}{2}$
» Вулапъ	$10\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$
» Джубуа	7	7
мысъ Кодосъ или Ту	14	13
мысъ Кодошъ или Чердакъ	9	8
» Пензуапе	17	17
» Субаши	$9\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$
мысъ Жообже	$8\frac{1}{2}$	$8\frac{1}{2}$
мысъ Мамай	9	9
мысъ Адлеръ	15	15
» Гагры	13	13
» Пицунда	10	10
» Бомборы	10	10
» Сухумъ-Кале	24	21
мысъ Кодоръ	10	10
Анакрія	36	34
Редутъ-Кале	7	7
Поти	8	8
Итого	328	$309\frac{1}{2}$